

ВЕРОНИКА  
КУНГУРЦЕВА

КНИЖНАЯ  
ЖИЗНЬ  
ЛИЛИ САЖИНДЫ



Вероника Кунгурцева

**Книжная жизнь Лили Сажиной**

ИД «Городец»

2020

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6

**Кунгурцева В. Ю.**

Книжная жизнь Лили Сажиной / В. Ю. Кунгурцева — ИД  
«Городец», 2020

ISBN 978-5-907220-65-2

Сборник состоит из двух повестей и рассказа, которые объединяет прошедшее время, с точными деталями отгремевшей эпохи, а также то, что в сюжетах упакована тайна: девочка Лиля, которая помнит только содержание прочитанных книг, но ничего не знает о себе; студентка Ида, чья жизнь проходит в тесном и прочном, казалось бы, пространстве общежития, среди друзей, – но, в конце концов, оказывается погребенной под обломками страны; и меняющая имена, как перчатки, героиня рассказа, которая откликается на зов мира-леса и лоб в лоб сталкивается с неожиданной собой...

УДК 82-3  
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907220-65-2

© Кунгурцева В. Ю., 2020  
© ИД «Городец», 2020

## Содержание

Книжная жизнь Лили Сажиной	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	32
Глава 7	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

# **Вероника Кургунцева**

## **Книжная жизнь Лили Сажиной**

© Кургунцева В., 2020

© ИД «Городец», 2020

## *Книжная жизнь Лили Сажинной*



### Глава 1

*Одно мгновение жизнь Компаньона Теннесси висела на волоске.  
Брет Гарт. Компаньон Теннесси*

Это горы застыли прошлое. Они напозают – и линия горизонта пропадает. Горы бегут мимо, уходят назад, надвигаются и вот уже совсем близко, залесованные. Прочь! Я всматриваюсь и – вижу девочку. Она мне не нравится: волосы серенькие, стриженные до середины шеи, уши торчат, на широковатом носу – россыпь мелких веснушек, глаза серо-голубые и слегка безумные (может, от того, что зрачок расширен), маленький рот презрительно сжат, а подбородок выдвинут. Если сделать два шага назад, увидишь узкие плечики, новое фланелевое платье в светло-зеленых ромбиках, рукава заканчиваются ладонями, исчерченными невидимыми чернилами (кто пишет на коже? чужой бог?), и ноги в белых, почти кожаных полусапожках. Это – я? Она говорит, что да. Надо ли здороваться с собой? Кажется, нет. Позвала сбоку:

– Ли-ля! Завтракать! Теперь ее не будет, пропадет, а руки вот они – с ногтями и надписями, на каждой ладони буква. Я умею по письменному. А читаю тысячу лет – и всё про других помню. Всё-превсё. Все приключения. Все тайны. А про меня есть приключения? Нету. Там говорят: пока нельзя. Строгаться. Сторожа. Они живут внутри головы, выходят во сне – и стоят на часах. Не пропускают. Ну, и ладно. Потом будет можно. Кстати, пора снять полусапожки. Обуть ноги в тапочки, так надо, я знаю. Почему я – Ли-ля? Иногда я забываю слова, а иногда вспоминаю слова, которых еще нет. – Ешь скорее, и надень форму – висит в шифоньере – с белым воротничком кружевным, и черный фартук, сегодня будний день. Да, и галстук не забудь, включи уют и погладь его. Зачем ты надела тапочки? Обуй обратно сапожки. Мы же на улицу идем. И плащ накинь. Да, и не забудь очки – на трюмо, без них ничего не увидишь. И не поймешь. И помни: ты – Сажина. У тебя такая фамилия. У всех есть, и у тебя. Могут спросить.

– Кто?

– Что «кто»?

– Кто «могут спросить»?

– Учительница. Классный руководитель. Зовут Луиза Андреевна. Запомни!

– Смешно!

– Ничего смешного.

– А как тебя зовут?

– Господи, Ли-ля, ты опять! Любовь Андреевна.

– Вы сестры?!

– Нет, конечно! Просто у нас отцы – тезки. Мы из разных мест.

- Из каких разных?
- Из Разных!
- Из Парижа и Сакраменто?
- Да, конечно: именно из этих мест, откуда же еще!..
- Ты иронизируешь?
- Ох, Лилия: «иронизируешь»... Кажется, ты оправилась, возвращаешься к себе.
- А где я была?
- Ну, где... Болела ты, и довольно тяжело. Но теперь всё будет хорошо. А из каких мест – пока тебе знать не нужно. Это не важно.
- А что нужно? И важно?
- Хорошо учиться. Будешь хорошо учиться – и всё будет хорошо!
- Всё-превсё?
- Конечно! Очки, очки надень. Повязала галстук? Хорошо. И портфель возьми!
- Ладно! А этот первый день в горной местности я не забуду?
- Не должна, раз понимаешь иронию. Ну, всё – выходим! Запри дверь.

...Школа неравномерная: влево – два этажа, а вправо – два и еще половина, потому что склон. Тут всюду горы. Я же говорю. Они меня преследуют. И не дают выйти. Окна школы широкие, трехстворчатые, в полуподвальной части зарешеченные, справа поднимаются прямо из земли, за решетки цепляется плющ, а на земле – трава. Как будто лето. Вокруг школы две изгороди: живая, из вечнозеленой лавровишни, и мертвый бетонный забор.

Мой класс на первом этаже. Нужно снять плащ и повесить на крючок: в фойе длинная, по классам – цифры от «1» до «10» сбоку на вешалках – раздевалка. Любовь Андреевна ушла, постукивая острыми каблучками, в учительскую, но указала направление. Я постучала – так надо. За дверью шум и крики, значит, не опоздала. Открыла крашенную бледно-голубой краской дверь, вошла: три ряда парт, сбоку три окна, черная доска на стене, над доской – портрет бородатого старика, и мелькают, кружась в беготне, такие, как я, – в коричневых платьях и фартуках, и другие – в серых штанах и белых рубашках. Некоторые сидят за партами и смотрят. И у каждого вокруг шеи повязан красный галстук, чтоб любопытные (любопытатели) знали, что у них красная кровь внутри. Я одна стою, руки по швам. Вдруг сзади еще кто-то, оборачиваюсь: в вышине пышные, рыжим облаком, волосы, близко свитер и юбка. Луиза Андреевна. Из разных мест. Ведь везде есть Андреи. Подтолкнула меня в спину, чтобы не мешала пройти: я отскочила. Классная руководительница подошла к учительскому столу, схватила указку и постучала:

– Все сели на свои места! Они рассредоточились и оказались за партами, руки сложили на деревянной крышке одна на другую: левая прячется под правой (левая – плохая рука? ее надо скрывать?). И все смотрят на меня, сколько глаз! И все без очков, они всевидящие. Зато я всеслышащая.

– Та-ак... Достали учебники и дневники. Сели прямо. Загумённый, опять развалился, прямо сядь! У нас новенькая – Сажина Лилия. Садись, Лилия, на свободное место.

Я посмотрела: свободное место было за второй партой у окна, рядом с девочкой, которая вроде бы похожа на меня: серенькие волосы и лицо в веснушках. Только не худая, круглощекая.

– Садись, садись, не бойся: Таня не кусается. – (Таня хмуро посмотрела: нет, у ней не только на носу веснушки – по всему лицу, и очень крупные, будто повзрослели). – И доставай учебник математики, тетрадь, всё, что положено. Сейчас будем решать примеры. Кто помнит тему прошлого урока? Ну-ка, подняли руки. Что – никто не помнит? Ла-адно, – Учительница открыла журнал, палец побежал вниз, и назвала фамилию:

– Ясинский! К доске!



Я оглянулась: с последней парты нашего ряда поднялся очень высокий мальчик с белыми волосами, встал на фоне черноты и отчеканил:

– На прошлом уроке мы изучали пропорции. Первый член первого отношения и второй член второго отношения – крайние члены, а второй член первого отношения и первый член второго отношения – средние члены. Произведение крайних членов равно произведению средних членов!

– Хорошо. Ну, реши вот отсюда и досюда. А вы переписывайте. Лентяи! Нет. Сева, раздели доску мелом на две части. К доске пойдё-ёт... а вот новенькая. Сажина. Ну-ка, посмотрим, на что ты способна... Вот учебник, спиши примеры и решай на своей половине, а Ясинский – на своей! Вначале повтори, что такое пропорция...

Я набрала побольше воздуха – и... сбилась, не смогла повторить: но я ведь не была на прошлом уроке... и на позапрошлом тоже. И вообще – я была когда-нибудь на уроках? Ясинский еще раз отчеканил правило, и тогда я (вот здорово!) повторила, и даже решила два примера. Я знаю деление и умножение, а не только по письменному могу, эгей! Пропорции, пропорции – про порции... Она сказала, что в буфет идти на второй перемене и дала денег на обед. Я же не забыла мелочь на трюмо? Нет, здесь – в кармашке фартука. Луиза Андреевна велела мне садиться на место (как хорошо, что у меня есть место, – как у собаки Баскервильей!) и пригрозила:

– Завтра всех спрошу, что такое пропорция, попробуйте не ответить!

И прозвенел звонок. Это другой звонок – на перемену! Ничего страшного: Любовь Андреевна мне рассказала, как это будет. Все покидали учебники в портфели и бросились к двери. Таня, соседка по парте, сказала, что следующий урок – физика, нужно подняться на 2-й этаж, они с этого года учатся по новой методике, называется кабинетная система: не учителя к ним приходят, а они – к учителям. Я кивнула. Мы вышли с математики последними, стали подниматься по лестнице, деревянные перила через равные промежутки покрыты крупными шишками, чтобы ученики не съезжали вниз, а бодро ходили по ступенькам. Таня спросила, откуда я приехала...

– Из Сакраменто, – вырвалось из меня помимо воли. Таня кивнула: наверное, она не чувствует иронии; а это ведь и не ирония, про Сакраменто я знаю всё, я почти что жила там... А может, она не сильна в географии? Ничего. Я тоже не особенно сильна. Это к лучшему.

– Мы старатели, – сказала я небрежно. – Мыли золото. Золотой песок. Только нужен тазик дырявый, у тебя случайно нет? Я видела, тут есть горная речка, наверняка в верховьях полно золота... Если хочешь, возьму тебя с собой. Застолбим участок, возьмем лопаты, ну, как?

Она слушала, раскрыв рот, потом кивнула:

– Давай в воскресенье. В субботу у меня уборка. А ты где живешь?

Я махнула рукой, указав направление:

– У нас комната и веранда в финском доме. Нам дали.

– Всем дают. У нас три комнаты и веранда в финском доме. Только мы тут всю жизнь, а не как вы. Мой дедушка приехал из Орла, до войны еще, он погиб. А твой?

– Мой тоже. С него скальп сняли...

– Как это?!

– Как-как! Попал в плен к индейцам.

– К американским индейцам?

– А каким еще! Племя команчей. Мой дед был пионером.

– Ну, и мы пионеры, так что?!

– Он был пионером Дикого Запада. А галстук носил вот так... – Я перевернула красный галстук узлом назад, и, приподняв треугольник, прикрыла им подбородок.

– Ничего себе!



– Ага.

Но тут прозвенел звонок на урок, и я вернула галстук в исходное положение. В класс вошел учитель, Таня прошептала, что это Сомов, зовут Андрей Петрович.

Надеюсь, он не отец Луизы Андреевны... И не мой погибший от рук индейцев дедушка. Да, у физика скальп оказался на месте, это ясно с первого взгляда: Сомов был лысым.

Учитель, поведя пальцем по фамилиям в журнале учета учеников, вызвал Загумённого с последней парты среднего ряда, велел рассказать закон Паскаля.

– Генка, – шепотом представила одноклассника Таня. Загумённый был широкий мальчик с лицом Алёнушки. Он ничего не мог сказать о законе Паскаля и был возвращен на место. Зато сидевший с Ясинским паренек по фамилии Шпилевой доложил об этом законе, сказав, что давление, производимое на жидкость или газ, передается в любую точку без изменений во всех направлениях, и открыт этот закон аж в 1653-м году.

Потом физик принялся рассказывать про магнитное поле электрического тока и правило буравчика, рассмешив названием половину класса, взял винт, сказав, что это буравчик, вставил его в круглую картонку, насыпал на лист железные опилки, подключил ток и принялся вращать винт, а опилки послушно собрались в круги и кружочки.

Когда урок закончился, и мы с Таней побежали в буфет – надо занять очередь, а то стоишь всю большую перемену, – широкий Загумённый заслонил нам дорогу и, ткнув в мою соседку толстым пальцем, хитро сказал:

– Эй ты, Правило Буравчика, теперь мы знаем, как с тобой поступать... Вращательно...

– Пошел вон, За гумно! – крикнула покрасневшая Таня.

– Правило Буравчика, Правило Буравчика! – захохотал он и отскочил.

Я ничего не поняла – и вопросительно смотрела на соседку, тогда Таня сказала, что Загумно дур-рак и схлопочет. Мы миновали фойе и по двум лестницам спустились в полуподвальное помещение, где налево располагались мастерские, направо – спортзал, а прямо – буфет: хвост очереди из открытой двери высунулся в коридор.

– Сомов нас задержал со своими опытами, поэтому мы не успеем пообедать, пошли отсюда... – И через черный ход, по трем ступенькам, мы выбрались в школьный двор. Тут стояла побеленная каменная будочка на два входа: туалет. Внутри две кабинки, без дверей. По двору носились школьники, расчерчивая его прямыми линиями, квадратами, треугольниками, младшеклассники бегали кругами.

Мы с Таней постояли точками и пошли по дуге в школу.

Всё же нам удалось перекусить. Обедующие сидели за тонконогими столами из алюминия. Таня попыталась пролезть без очереди мимо младшеклассников, но буфетчица (страшная тетка в белом халате и колпаке, глаза ее смотрели в разные стороны) отругала и велела встать в очередь. Мы купили по пирожку с картошкой и по стакану какао. Следующий урок – литература, сказала Таня. И мы побежали вверх по лестницам: кабинет литературы был в этом же крыле школы, на 2-м этаже. Учительницу звали Алла Павловна.

– Хорошо, что не Андреевна.

– Почему?

– Потому что Андреев в этом мире слишком много, ты не находишь?

– Да ладно, мой папа – Андрей, и я Андреевна!

– Вот видишь!

– А твоего отца как зовут?

– Александр... Дюма.

– Он остался в Сакраменто?

– Откуда ты знаешь?

– Ну, одна комната в финском доме – значит, вы вдвоем с матерью. С отцом бы две дали. А почему ты Сажина, а он – Дюма? По матери, да?

Но на этот вопрос я не успела ответить, мы опоздали на урок, и учительница литературы велела нам побыстрее занять свои места, что мы и сделали. (Местничество. Наместник. Заместитель. Сторожа мои не дремлют: вечно они словоблудят, особенно когда вспомнят основное местное слово).

Алла Павловна, худая женщина в голубом свитерке-обдергайке, сидела за столом и вызывала к доске читать стихи. Таня показала в учебнике, какие нужны стихи, и я тотчас выучила. Я помню вперед, я назад не помню. Но меня не вызвали читать «буря мглою небо кроет, вихри снежные крутя», а Таню вызвали – и она прочла до «то заплачет, как дитя», а после замолчала и сильно-сильно зажмурилась, учительница подождала, поджала губы и сказала:

– Садись, Буравлёва, два!

– Правило Буравчика, – громко зашептал с задней парты Загумно. – Эй, Правило Буравчика, стишки не учим... двоечки получаем. Второе Правило Буравчика, да? – Я учила, долго учила, а вот вылетело из головы, я плохо запоминаю, – шепнула мне Таня, вздыхая, а после обернулась и показала Генке кулак.

Наверное, у нее плохая память на то, что впереди, зато хорошая – на прошлое. Мне бы такую память: которая лежит в обратную сторону!

Учительница вызвала к доске длинноносую Галя Смагину с родинкой на щеке, потом ее соседку по парте, красивую девочку с косой Нату Фокину (они сидели во втором ряду, напротив нашей парты), и тощего Толю Белоконева с третьего ряда, и все они поочередно отгарабанили стихотворение: тоже помнят вперед, а не назад.

Алла Павловна одобрила пятерками такую память на стихи и стала рассказывать про писателя Короленко. Показала книжку – я не увидела названия, я и в очках плохо вижу – а учительница сказала:

– В хрестоматии только отрывок из «Детей подземелья», а в школьной библиотеке есть два-три вот таких сборника, кто поторопится – может успеть взять и прочитать к следующему уроку. Там про ребят, таких, как вы, и помладше. Вот как в прежние времена-то детям доставалось: жили в подземелье, в темноте, света белого не видя.

И тут она принялась читать из книжки: про то, как мальчик, сын судьи, попал в подземелье часовни, где жили брат с маленькой сестрицей и похожий на обезьяну пан Тыбурций.

Учительница читала: *«Серый камень высосал из нее жизнь, – пояснил опять Валек, по-прежнему смотря на небо. – Так говорит Тыбурций... Тыбурций хорошо знает. – Да-а, – опять повторила тихим эхом девочка. – Тыбурций все знает».*

И тут случилось: я вскочила с места и закричала:

– Ничего он не знает! Бегите вы от этого Тыбурция подальше!

Алла Павловна нахмурилась и велела мне выйти из класса, не срывать урок. Я так и сделала – я даже выбежала из класса. И до звонка стояла в фойе, у окна, глядя на строгие отроги гор.

Таня вынесла мне портфель, и мы отправились на следующий урок – немецкого языка.

Галя Смагина и Ната Фокина шли позади нас, и Ната говорила:

– У нас новая училка по дойчу, я ее видела – красивая, вся в кудрях, и наряд-на-я!

– В кудрях – значит, химию делала, химическую завивку, моя мамка тоже делает. А твоя нет...

– Моя уже старушка, зачем ей... Когда мы пришли в кабинет немецкого языка и положили портфели в парту, а учебники вынули, кто-то толкнул меня в спину – это был Генка Загумённый. Он заорал:

– Сажа, ты дура, да? С книжкой разговариваешь? Бегите от Тыбурция, спасайся, кто может, sos! Все буквы и разбежались из книжки, кто куда, да? Ох, Сажа, я-то думал одна Буравлёва у нас дура, а теперь в классе две дуры, да за одной партой сидят, да обе конопатые: Правило Буравчика и Сажа в очках! Смехота!

Я развернулась и хотела стукнуть его учебником по круглой голове, но он успел отбежать. Тут дверь отворилась, и в класс вошла... Любовь Андреевна, она и впрямь красивая, в нарядном платье из синего крепдешина (дома оно висело в шифоньере на плечиках, рядом с моей школьной формой). После того, как она представилась и по-немецки спросила, кого как зовут – и некоторые ответили, мы открыли учебники и стали по очереди читать про писака Шрайбикуса. И я тоже читала – и даже очень скоро и споро: оказывается, я и немецкий знаю, ого-го! (Может, я все языки на свете знаю?!) А Таня не смогла прочесть больше двух предложений, и то по слогам. Надо бы сказать Любови Андреевне, чтобы с ней позанималась, я могла бы пригласить ее к нам... Таня ведь тоже Андреевна, а все Андреевны должны помогать друг другу. Учительница время от времени повторяла по-немецки слово «цумбайшпиль» (например) – и Загумённый стал тыкать пальцем в Шпилевого:

– А ты Цумбайшпиль, Витек! Теперь будем знать. Теперь ты не Шпилька, у тебя новое имя, заграничное.

Шпилевой послал его непечатно, и Любовь Андреевна велела обоим отправляться к директору, а не то...

– А не то «что»? Немец-перец-колбаса. Подумаешь, испугала, – проворчал Загумённый, но оба вышли из класса.

На переменке я позвала Таню в гости, и она обещала прийти.

– Наши окна выходят на горы, одна гора слева, горбатая и покрытая лесом, а рядом с ней совсем голая, но зеленая-зеленая, будто ее краской покрасили, и только на вершине растет одинокое кудрявое деревце, почему так, не знаешь? – спросила я.

– Это же чай!

– Чай?!

– Ну да, на горе чайные плантации, чай же вечнозеленый, лес давным-давно вырубili, а чайные кусты посадили рядами. А дерево – это черешня-дичка, очень вкусная – специально оставили. А в Сакраменто растет дикая черешня?

– Точно не знаю. Мне не попадалась. А на плантациях рабы работают? Негры?

– Какие тебе рабы-негры, ты будешь чай собирать, да я, на практике летом, еще надоест. Моя мамка на чаю работает, у них третья бригада, соревнуются с первой и второй. Кто выигрывает, поедет на ВДНХ, в Москву, ну, победитель соцсоревнования поедет. Янулиди из первой бригады всегда ездит, у нее шестеро детей, все чай собирают с мая по сентябрь, а на мать записывают – вот она и побеждает: будто больше всех собрала.

– Это же нечестно!

– Нет, честно: она же вовсе не могла работать, когда этих выраживала.

– Как «выраживала»?

– Так. Из себя.

– А-а, я читала в учебнике про дополнительные члены предложения. Мать – существительное, а дети – дополнения всякие, прилагательные к ней, обстоятельства места, времени, так, да?

– Ну, вроде того, – с некоторым сомнением в голосе сказала Таня.

На уроке русского языка, который снова вела Алла Павловна, в прежнем кабинете, ничего существенного (вроде осуществления чьих-то желаний) не случилось. Мы писали под диктовку, я откуда-то знала, как писать сложные слова, только буквы почему-то получались очень мелкими и не очень красивыми, даже совсем некрасивыми. Таня попросила меня убрать локоть, а то ей не видно, я прижала левую руку к груди и подвинула тетрадь поближе к ней, удивляясь ее острому зрению, просто Соколиный Глаз! Она всё списывала из моей тетрадки, только иногда просила не мельчить и писать пояснее, а то ей не понятно, какая именно буква в слове. Я старалась писать крупнее и круглее. Алла Павловна ничего не замечала. Она попросила сдать тетради, потом велела переписать с доски в дневник домашнее задание и ушла,

забрав тетрадки. Мы с Таней и еще несколько человек задержались в классе. Дежурный Сева Ясинский стирал с доски слова мелового периода, мы складывали книжки в портфели. Вдруг Загумённый закричал:

– А что я узна-ал... из верных источников, в кабинете директора. Новая немка – твоя мать, Сажа, да? И ты у нас, выходит, не простая Сажа, а немецкая, вот ведь доннер веттер!

– Вот же ж секрет: все про это знают! – воскликнула Таня. – И отстань, Загумно от нас, надоел хуже горькой редьки! Пропусти!

Генка, шутливо склонившись, точно придворный, махнул по полу невидимой шляпой:

– Иди, Правило Буравчика, кто тебя держит... Но когда я попыталась пройти вслед за ней, он схватил меня за запястья:

– А ты куда собралась, немецкая Сажа-четыре глаза... я с тобой еще не закончил...

Сажа – пепел – зола, – мелькнуло в голове, и я воскликнула:

– Какая я тебе Сажа, дурак, я – Золушка! Генка нахмурился, соображая, и разжал пальцы, я вырвалась, но не успела выйти из класса – он, хохоча во все горло, догнал меня, повалил на пол, так что я стукнулась затылком, и стащил с ноги почти кожаный белый полусапожек. Пока я, отряхиваясь, вставала, злой мальчишка подбежал к окну, распахнул его, поставил сапожок на законный бордюр и протолкнул подальше, туда, где окно было заколочено: мне ни за что не дотянуться.

– А где твой башмак, Золушка? Ну-ка достань, Сажа! И где твой поганый принц? Стоять, Ясень, ни шагу! – прикрикнул он на длиннорукого Севу Ясинского, который мог бы не в службу, а в дружбу добраться до сапожка. Тот пожал плечами: мол, это не моя война.

Больше я не могла себя сдерживать.

– Кар-рамба! – закричала я, превращаясь. – Гром и молния! Три тысячи чертей и одна ведьма! Медуза тебе в глотку! На бордаж! – И одним махом покорила подоконник, выбралась за окно, на фор-брам-рей, и, спиной к тверди ли, к волнам ли, но определенно к горам, – которые издали пристально наблюдали, – держась за поперечины на мачте-окне, сделала по рее полтора шага, нагнулась, чтоб схватить сапог, но внезапно он соскользнул и полетел, кувыркаясь, вниз – туда, где собрались все эти чужаки, аборигены в красных галстуках; я не стала смотреть в бездну, а глянула за стекло, где, замерев с занесенной к доске тряпкой, стоял Сева Ясинский; в дверях, прикрыв ладошкой в ужасе рот, застыла Таня; и совсем близко показалось широкое лицо врага с коротким приплюснутым носом и расширенными голубыми глазами, он воздел руки – мне очень хотелось помахать ошарашенному врагу и отпустить этот мир, который я держала в своих руках, на кончиках распутившихся пальцев, полететь в бездну: оставайтесь тут без меня, делайте что хотите, – но тут этот идиот высунулся по пояс наружу и протянул мне руку: «Держись, Сажа, держись!». Я пошатнулась, но устояла и сказала: «Я – Лиля, понятно? Ли-ля я, карамба!» – «Держи руку, я тебя вытащу! Лиля, давай же!!!». Я пропела: «Мы спина к спине у мачты-ы против тысячи вдвоем!», но ухватила за протянутую широкую ладонь левой рукой, и, сделав полтора шага над бездной, оказалась по эту сторону – прыгнула с подоконника в класс.

Кто-то принес с улицы мой белый, почти кожаный полу-сапог, и Генка надел башмачок Золушке на ногу, бормоча: «Карамба?.. Гром и молния?.. Спина к спине у мачты? Вот черт!». И мы вчетвером опоздали на последний урок.

## Глава 2

*– Это, Змей, для тебя лишнее основание быть осторожнее и без нужды не подвергать себя опасности, – прибавил охотник.*

*Фенимор Купер. Зверобой*

После приключения на мачтовом окне часть школьников решила, что я – психбольная, правда, говорить об этом вслух, а также расспрашивать о зазаконном приключении, остерегались: вдруг еще чего-нибудь похлеще выкину, например, ухо отгрызу однокласснику. Кстати сказать, Генка Загумённый перестал звать меня Сажей, для всех я стала Лилей. Вообще, слава психованной оказалась кстати: я могла говорить, что вздумается, петь песни, какие мне нравятся, и превращаться в кого угодно.

Конечно, меня вызвали к директору, чтобы узнать, зачем я ходила по той стороне окна, точно лунатик, – я отвечала, что тренировала волю (про сапог за окном директору не доложили): вдруг война, мне придется лезть на водонапорную башню и вешать красный флаг, который я повяжу вокруг тела, чтобы освободить руки, а у меня от высоты голова кружится, но теперь я опытным путем проверила и знаю, что смогу справиться с заданием, вот пусть только начнется! Директор Иван Иванович надулся, немного подумал и, кажется, остался доволен ответом, потому что отпустил меня, велел больше не проделывать в мирное время такие опасные опыты.

Зато от Любовь Андреевны досталось по первое число: она кричала, что я ее в гроб вгоню своими выходками, все дети как дети, одна я... – и даже попыталась приложить меня складным зонтиком по спине (мы как раз всходили на нашу веранду по трем бетонным ступенькам, и она уже захлопнула зонт, окропив дождем крыльцо).

– Не будь фурией, – предложила я. – Я должна была отстоять честь семьи: ты ведь тоже Сажина, но Сажиной стала уже во взрослом состоянии – так что тебе проще. А походила бы с такой фамилией в золотом детстве, поглядела бы я на тебя. Я просто вернула себе имя. Конечно, надо было назвать меня Сашей: Саша-Сажа, глухая и звонкая, на слух не разберешь... Совсем было бы другое дело! Но сделанного не воротишь: Лилия так Лилия. Но отец-то мой был Саша, да ведь?

– Конечно. А кличка у него в школе была Граф. Я замерла, боясь спугнуть слово, слетевшее с запечатанных обычно уст, я тотчас поняла, какой Граф и почему его нет с нами: возможно, он все еще мается в замке Иф. Ну, а то, что я не Эдмоновна – вполне объяснимо, чтобы не раскрывать непосвященным мое происхождение.

Мы затопили печку – потому что в финском доме была печь. Сельским учителям бесплатно полагалась машина дров, дрова нам привезли уже колотые, и завхоз со старшеклассниками помогли сложить поленницы, но беремья полешков из сарая пришлось тащить мне. Застекленная веранда, где стоял керогаз, не отапливалась, зато комната быстрёхонько нагрелась. Любовь Андреевна надела цветастый халат и, превратившись в домохозяйку, стала варить плов в синей толстостенной гусятнице. Я хотела порезать морковь, но она не нашла второй нож... – Куда запропастился, ты не видела?

– Мы из Средней Азии приехали? – ответила я вопросом на вопрос.

– Почему? – удивилась она. – А, плов... Нет, не из Средней. И не приехали...

– Приплыли?! – воскликнула я. – Прилетели?!

– Можно сказать и так.

– Так первое или второе?

– И то, и другое.

– Интере-есно. Вон у Тани Буравлёвой предки из Орла сюда прибыли... наверное, прилетели с орлами. А мы из какого, к примеру, места?

– Ты уже спрашивала... Его... его нет на карте.

Больше я не настаивала: конечно, тут скрыта какая-то тайна... И раз уж взрослая не желает отвечать на мои вопросы, так чего ж мне еще: тайна – это даже лучше, чем приключение. А вдруг мы с другой планеты?! И вот-вот начнется война миров... Или с не открытого покамест острова, где зарыты сокровища... Йо-хо-хо, и бутылка рому!

Наш финский дом был поделен на квартиры. Одна располагалась в мансарде, над тремя нижними; жильцы мансарды, черноволосая Тамара Ивановна со взрослой дочерью Нинкой, поднимались по крутой лестнице, скрытой дверью в стене; вход в нашу квартирку был с торца; с другого торца жили Булыгины, их Нелька училась двумя классами младше меня; а между ними и нами лепилась еще дверь, ведущая к двум старичкам.

Дом стоял на взгорье. Из левых окон нашей холодной веранды открывался вид на далекие горы, которые наблюдали за поселком, и на шоссе внизу, оно, завернув за скалу, пропадало. От поперечной ограды и могучей алычи (говорят, желтая и очень вкусная) поднимался к дому наш сад, а справа, у забора, граничащего с огородом Булыгиных, висели качели – радость этого места. Из окна комнаты – оно выходило на противоположную сторону (до земли один шаг) и на ночь закрывалось ставнями – был виден бугор с почти вертикальной тропой вверх к длинному сараю, где хранились дрова жильцов. Широкая тропа, зажатая между седыми заборами, размытая дождем, оказалась очень скользкой, я едва не упала, когда спускалась с очередной охапкой дров: пусть подсыхают на веранде, завтра хорошо будут гореть.

Между печкой и низким окном находилась заколоченная дверь, ведущая неизвестно куда. Любовь Андреевна повесила на дверь медвежью картину «Утро в сосновом лесу», но картина только наполовину скрывала тайный ход, откуда могло вылезти – помимо медведей – всё, что угодно. (Если бы я была художником по фамилии Шишкин, или Шишкина, тоже бы рисовала сосны: это ведь родители шишек, а может, их сонные боги, скребущие поднебесье, тогда эта картина что – икона?!) Но Любовь Андреевна клятвенно уверяла, что запертая дверь ведет в коридорчик соседской квартиры, где живут Баба Галя и Валентин Казимирович. Могучая рыжеволосая Баба Галя была с Кубани, а Валентин Казимирович оказался поляк. Порой из-за стенки неслись шум, крики и вой: старички дрались, как оголтелые, – и сухопарый мелкокалиберный Квази-мирович неизменно одолевал огромную, как скала, почти каменную скифскую Бабу Галю. Вчера она приходила к нам, жаловаться Любовь Андреевне на польского супостата, задрала кофту, показывая синяки на спине, и при резком повороте грудь – Баба Галя носила, по ее словам, 10-й размер – так колыхнулась, что я, опасаясь попасть под удар внушительной груши, отбежала в сторону. А детей у старичков не было, никаких, даже взрослых.

Дощатая уборная для жильцов стояла в стороне от финского дома, тропа к ней вела между тесно стоящими заборами: справа огород старичков, слева – лохматой Тамары Ивановны. За уборной тянулось косое утоптанное поле с раскидистой дуплистой старой грушей посередине. Поле окружали частные дома: Смагиных, Фокиных, Зубенко (Лёвка Зубенко, как обнаружилось, тоже был из нашего класса, одноклассники роились вокруг меня, точно осы). Из поля вытекали три дороги: две косых, углом, на углу – дом Сумбаевых, и одна довольно прямая, ведущая обратно в поселок, мы жили на ее краю. По сторонам диагональных дорог тоже стояли дома, правда, мои одноклассники в них не жили, только в самом низу, где проселок впадает в шоссе, на повороте, стоял дом учительницы географии Полины Михайловны Родионовой, два ее сына учились: Олег – на класс старше меня, а Васька – на класс младше. У Наты Фокиной имелись к тому же три разновозрастных брата. И вся эта орда, возвратившись из школы, раздобыв очередной мяч (предыдущий был проколот: гвозди торчали из заборов, окружавших косое поле, да и заостренные штакетины, точно пики, угрожали надутым мячам, и мощные пинки их дырявили, поэтому мячики вымогали у всех, вплоть до соседских малы-

шей), – играла на косом поле в футбол. Мяч часто катился вниз до самого шоссе. На ворота, перегородив относительно прямую дорогу, ведущую в центр поселка, огольцы ставили кого-нибудь из девчонок, пытались сделать вратарем и меня, но я, опасаясь за очки, а больше за попадание разбитых мячом очочных стекол в глаза, оказалась никудышной вратарицей и была с презрением выкинута из команды.

Теперь – видать, мяч снова напоролся на какой-нибудь гвоздь в заборе – футболисты сидели кто под деревом, кто на дереве – и это не сулило ничего хорошего. Ходить в общественную уборную финского дома было подобно высадке десанта: пацаны, издали завидев посетителя кабинки, обстреливали уборную камнями, приветствуя футбольными воплями каждое попадание. В этот раз случилось то же самое... Воевать с мальчишечьей оравой за право оправиться было стыдно и смешно. Я пыталась освоить для этих целей овраг в ближайшем лесу, за шоссе, но стометровая пробежка порой оказывалась мне не по силам (скорее, не по времени). Понятно, я никогда не говорила об этом конфузе Любовь Андреевне (футболёры, как я заметила, игнорировали походы взрослых в кабинки, доставалось только мне да Нельке Булыгиной). Почему у жильцов, имевших огороженную землю, не стояли во дворах персональные уборные, остается тайной, закрытой на всякий замок.

По пути домой, после обстрела, я заглянула в сад старичков, там, в загородке с дощатым домиком, жили куры и петух с роскошным хвостом. Я уже собрала достаточное количество перьев кур, галок, соек, ворон, соколов, даже орлов (привет от Тани Буравлёвой!) – не хватало только темно-зеленого с бронзовым отливом пера из хвостового оперенья петуха. Я сбегала домой, схватила с полки на веранде остатки риса в бумажном кульке, вышла со двора, оглянулась – никого – и, открыв калитку, прокралась в загородку. Там я рассыпала по земле вкусный рис, и, пока куры клевали белое зерно, подобралась к ничего не подозревавшему петуху и, ухватив его за хвост – Петя вскококнул и заголосил, – выдрала приглянувшееся перо. Увы, не обошлось без скандала: когда я, как порядочная, накидывала на калитку петлю, откуда ни возьмись, появилась Баба Галя с хворостиной:

– Яйца воровать! Ах ты, лярва! Вот я матери-то скажу! Ну-ка покажь руки!

Я быстро сунула перо сзади за пояс юбки и предъявила пустые ладони, – правда, по-прежнему с письменами младшего бога.

– Нема! – удивилась соседка, роняя хворостину. – А ихто там лазил в курятнике? Не бачила? (Баба Галя часто смешно выражалась).

– Нет. Я никого не заметила.

Предусмотрительно остановившись завязать шнурки на ботинках, я дождалась, чтобы старушка показала спину, и заскочила в свой двор. Перья, чтоб Любовь Андреевна не докучала вопросами, я прятала за дверцей подполья, в найденной там же толстой, рыхлой и довольно скучной книге под названием «История КПСС». Подполье тянулось под домом, половина его принадлежала Булыгиным, половина – нам. Я избороздила свою часть вдоль и поперек – но ни сундуков, ни сокровищ в земле (конечно, в подозрительных местах я делала раскопы) не обнаружила. Впрочем, я не теряла надежды. Любовь Андреевна держала на полках картошку, капусту и лук. «История КПСС» с перьями между страницами, ставшая от птичьего оброка втрое толще, лежала за ящиком с картошкой.

Любовь Андреевна отправилась в клуб: она репетировала роль Тони в сцене из оперетты «Белая акация», вместе с завклубом и физиком Сомовым. Я достала перья, засыпав ими всю веранду. Широкая двойная резинка от трусов была давно припасена, как и канцелярские скрепки, и черные нитки с иглой. Оставалось только укрепить перья: бронзово-зеленое, а также остальные хвостовые перья – посредине, крыльевые – с двух сторон от них. Я трудилась, не покладая рук, – и вот головной убор вождя готов! Конечно, перьев маловато, но – ничего: все равно вышло здорово! Зеркало подтвердило, что теперь я не я, а...



Внезапно дверь распахнулась – и на веранде показалась Галя Смагина: она поссорилась с Натой Фокиной, я еще в школе об этом узнала, яблоком раздора послужил красавчик Витька Шпилевой, подружки и сидели теперь не вместе, Ната со второгодницей, уже почти что девушкой Олей Лаптиновой, а Галя с Ирой Журковой со Злой Собаки (так называлось село ниже по шоссе).

Увидев меня в головном уборе вождя апачей, Смагина очень удивилась и... воскликнула:

– Ты что, Сажина – из Краснодара сбежала?!

– Почему именно из этого города? – спросила я, насторожившись: может, ей что-то известно... Ну, почему посторонний человек с такой точностью указывает место, откуда я прибыла?.. я же ничего не знаю.

Но дело было в другом... Оказалось, что «сбежать из Краснодара» значит «сбежать из психушки», ведь только в этом городе имелся сумасшедший дом, наверное, весьма вместительный, куда отправляли психов со всего юга...

Я не стала разочаровывать одноклассницу и подтвердила, что сбежала именно оттуда... На том мы и расстались. Я собиралась (после сражения, если выживу) отправиться к Тане Буравлёвой, которую не шокировали мои перья: у неё имелся второй комплект головного убора апачей. Правда, она поинтересовалась, как быть с тем, что индейцы сняли скальп с моего дедушки, а мы теперь тоже подались в индейцы, но я нашла, что ответить: то было племя команчей, которое, как всем известно, враждует с апачами.

И вот я нарядилась в серую куртку с желтой бахромой (срезала со штор), идущей по рукавам. Мы вместе с Таней пришивали бахрому, вернее она, будучи рукодельницей, пришила бахрому и к своей куртке, и к моей. Теперь я была готова! Нет, не совсем... Компактный кухонный нож, который я также прятала от посторонних глаз в подполье, – за голенище, вот теперь всё. Я, посмеиваясь, думала, что мой ножик имеет полное право называться финским, ведь он проживает в финском доме. Очень сложно оказалось передвигаться с финкой внутри резинового сапога, хоть я и сунула ее в носок, а сверху пристегнула резинкой к ноге. Ничего, идти недалеко! Только бы они не отыскиали мяч!

Мяч они не нашли – по-прежнему сидели под дикой грушей, резались в карты. Лёвка Зубенко забрался на дерево до самой развилки и, заглядывая с верхотурыв карты Мишки Фокина (Лёвка, видать, тоже Соколиный Глаз! впрочем, это было тайное имя Тани Буравлёвой, а она, разумеется, не потерпит второго Соколиного Глаза в округе), на пальцах показывал Олегу Родионову содержание Мишкиных карт.

Лучше встречаться с врагом один на один. А когда врагов – целая свора... Я прошагала мимо уборной и направилась к игрокам. Конечно, Джеков Гемлинов среди них не водилось, да я и не ждала от картежников-футболистов джентльменства.

Завидев меня, игроки уронили карты и замолчали; где-то далеко лаяла, подывая, собака.

– Сажина, ты чего вырядилась? – прервав наконец молчание, крикнул с груши Зубенко и зачем-то потряс ветку. – Курица в перьях, во дура! – высказался Валентин Фокин.

– Пацаны, это же индейка, вы что, не видите? – воскликнул его брат Юрка. – Эй, индейка, чего надо?

– Индейцы своих женщин называют скво, – проговорила я назидательно, остановившись на подобающем расстоянии от дерева. – А индейка – это птица семейства фазаньих. Но вы, бледнолицые собаки, ошибаетесь: я и не скво, сегодня я вождь апачей и зовут меня Большое Ухо, ибо слух мой таков, что, приложив ухо к земле, я слышу топот коня за десяток километров, а еще я слышу будущее, из которого раздаются ваши крики о пощаде, недоноски!

– Ого-о-о! – заорал Мишка Фокин. – Ты чего растягвалась, сучка очкастая, а ну пошла отсюда, пока не схлопотала! Индейка в очках! – и он подскочил ко мне, занеся руку для удара.

– Да ладно, ребята, перестаньте! – попытался остановить намечавшееся побоище Олег Родионов, становясь между нами, а Васька, его брат, стал меня выталкивать:

– Давай двигай домой, Большое Ухо, пока не получила в ухо!

В этот момент я выхватила кухонную финку из голенища, стала в стойку и, размахнувшись, метнула. Пролетев между отпрянувшими Мишкой и Олегом, она вонзилась в ствол груши. Мальчишки во все глаза уставились на ножик.

– Охренеть! – подытожил сверху Зубенко и полез с дерева.

– Хук! Заметьте, не ху(...) – это словцо из вашего лексикона. Да, и в следующий раз буду метить в живую цель.

Подойдя к груше, я выдернула нож, сунула за голенище, и, поправив головной убор апачей (перья расшатались, надо укрепить), отправилась своим путем. Ежедневное метание ножа в лесном овраге за шоссе, куда я ходила не только по нужде, принесло свои плоды. В этом поселке, куда меня забросила судьба-индейка, приходилось отстаивать с ножом в руке возможность отправлять самые простые человеческие потребности.

Проходя мимо уборной, я ногой небрежно захлопнула распахнувшуюся дверь.

## Глава 3

– *Надо быть осторожнее, когда говоришь о покойниках, Том.*  
*Марк Твен. Приключения Тома Сойера*

Шел урок литературы, мы проходили «Капитанскую дочку», и я во всех поселковых мужиках тщетно пыталась обнаружить Вожатого; у меня не было заячьего тулупчика, но я могла бы подарить ему свою ушанку, если бы только он указал мне путь в прошлое. Правда, это был подарок Любовь Андреевне от физика Сомова, но она забрала шапку и передала мне.

«Налетели ветры злы-ы-е, да с восточной стороны-ы-ы и сорвали черну шапку с моей буйной головы», – раздавалось порой с мансарды, окно которой за полночь светилось над нашей верандой, это Тамара Ивановна вместе с дочерью Нинкой, когда к ним приходили друзья-выпивохи, голосили на всю округу, не давая людям уснуть, – и, кажется, эта песня тоже была про Вожатого.

Мои размышления прервала наша классная Луиза Андреевна, она без стука ворвалась на урок и вызвала Витьку Шпилевого:

– Витя, пойдем-ка, у меня для тебя неприятное известие...

Больше Витька в тот день на уроки не вернулся, не пришел и на следующий. А потом мы узнали, что у него умер отец: пошел на охоту, в поставленный им капкан попала лиса, она успела цапнуть человека, прежде чем он ее застрелил, у лисицы оказалось бешенство. Луиза Андреевна сказала, что мы должны идти на похороны, так принято – выразить соболезнования, все-таки отец одноклассника... Я никогда (во всяком случае, на моей короткой памяти) не была на похоронах, впрочем, я и на свадьбах не бывала.

И вот во вторник, отсидев первый урок, мы пошли к Шпилевым, они жили неподалеку от школы, в центре поселка, в предлинном двухэтажном здании (с полуподвальным прибавком с одной стороны, как полагается по горным стандартам). Дом тянулся вдоль грунтовой дороги, сверху косо впадавшей в шоссе, и оканчивался в трех шагах от площади, где разворачивались рейсовые автобусы, идущие в город; в этой части здания располагались магазины: первая дверь – продуктовый, вторая – промтоварный.

Мы постояли возле первого подъезда, где жили Шпилевы, чтоб не мешать в тесной квартире, а когда гроб вынесли, пристроились в хвост процессии. Вела нас Луиза Андреевна, которая жила во втором подъезде этого же дома. Идущие впереди бросали на дорогу головки белых зимовников. Все ребята старались не наступать на цветы, кроме Генки Загумённого. Он специально подбирал шаг так, чтобы зимовники попадали под подошву ботинка, иногда виляя всем телом или отталкивая того, кто мешал ему раздавить цветок. Луиза Андреевна несла букет покупных красных гвоздик (зимовники росли в лесу) – дорогие цветы она не ломала и на дорогу не бросала.

Витька с матерью, оба в черном, брели впритык к гробу, который несли мужики. Хмурая вдова пару раз обернулась на наш класс: мне показалось, в некотором недоумении.

Таня Буравлёва тихонько сказала:

– Хорошо, что Витька не взбесился...

– Ага, а то бы покусал нас – и все: кранты, бешеный класс, – усмехаясь, говорил Загумённый, – вот был бы подарочек районному отделу образования!

Но под строгим взглядом обернувшейся Луизы Андреевны замолк. Взрослые, которые перемешались с ребятами, говорили, что надо было сжечь Шпилевого-то, а не хоронить: хоть он в гробу, вдруг родня застреленной лисы пожалует да раскопает могилу...

Мы прошли Злую Собаку, жители которой пытались переименовать село в Фиалку, но пока неудачно. Шоссе стало изгибаться, точно серая змея с продольной белой полосой посредине. В одном месте гора, похожая на грудь Бабы Гали, нависла над дорогой, с нее сыпались и сыпались мелкие дымчатые камушки, будто гора решила похоронить людскую дорогу.

Кладбище занимало соседний хребет, за селом Измайловка. Процессия растянулась на полкилометра, и пока мы дошли до приготовленной загодя ямы, гроб уже опустили и сказали положенные речи. Луиза Андреевна велела нам расходиться по домам. Но мы не пошли по домам, а принялись бродить среди могил бывших жителей. Таня сказала, что здесь теперь их домовины. Некоторые могилы были огорожены заборчиками – в точности как обычные дома, имелись даже столы с лавками: оказывается, живые в определенные дни приходили к мертвым, приносили угощение. У многих ребят на кладбище лежала родня: покойник в земле, точно пуповина, привязывал живых к этой гористой местности.

На некоторых могилах мы увидели конфеты в блюдечках: карамель «Снежок», ириски «Золотой ключик» – верно, намек на вечный холод, на открытие тайной загробной дверцы, и на то, что зубы хозяевам могил теперь уж не придется пломбировать. А брать конфеты нельзя, говорила Таня, у которой тут лежал теткин муж, она уже бывала на кладбище и знала порядки. Конечно, грабить покойников нехорошо, но Генка Загумённый вошел в чью-то оградку и, недолго думая, угостился мертвенными конфетами.

– Раз уж мы здесь, – сказал он, засовывая сласти в карман. – На поминки-то нас не позвали. Мне бы мать ни за что не разрешила хоронить Витькиного отца, да и вообще ничего папашу, хоть бешеного, хоть нет. Или мамашу. Вместо школы – на кладбище, хороша учеба, нечего сказать! Витькин батя был полюбовником Луизы, вот она и поперлась на похороны, и нас потащила... Одну-то ее тетя Светка Шпилева быстро бы нагнала, а тут – ведет класс, вроде как мероприятие...

Мы слушали во все уши. Генка протянул и мне «Снежок», но я отстранилась, а Оля Лаптинова, выбежав из-за бетонного постамента, с вылинявшей фотографией и полустертыми годами жизни некой Вейкиной Клавдии Егоровны, схватила конфету, развернула – и в рот. Только хруст пошел.

Мы с Таней пробродили среди могил до сумерек, но ни индейцем Джо, ни каким-нибудь доктором тут и не пахло – никто не пытался выкопать свежий труп Витькиного отца для опытов, никто не размахивал гробовыми досками – тихо было на Измайловском кладбище. Эх!

А наутро нас завалило снегом. Таня Буравлёва утверждала, что это мертвяки постарались за то, что отняли их любимый «Снежок». Я не спорила: конечно, имея родню на кладбище, она была в полном праве высказывать любые мнения. Покойник дядя Толя Буравлёв был, как оказалось, мужем косоглазой школьной буфетчицы, которая, таким образом, приходилось Тане теткой, хоть и не пускала племянницу без очереди.

Волнистые вершины окружили потерявший все цвета, кроме фатального (белой фаты), поселок и взяли жителей в зимний плен: в том месте, где гора, похожая на грудь Бабы Гали, нависла над дорогой, асфальт треснул, шоссе частично обрушилось в пропасть, при этом расстояние между обрывом и горой стало таким узким, что ни одной машине не проехать, да и ходили с опаской: поскользнулся – и капут.

И – ура! Зимние каникулы мы уже отгуляли, но по воле мертвяков наступили зимние каникулы-2: нас распустили по домам, ведь ребята из нижних сел – Злая Собака, Измайловка – с риском для жизни должны были ходить на занятия по зауженной ледяной трассе (наверное, мертвяки из пропасти зывали: сюда, к нам, ученички!). И жители сел Семеновка и Калиновое озеро, жившие выше и дальше Центральной усадьбы (центр поселка назывался усадьбой, будто тут завелся тайный заповедник дворян, хотя... может, так оно и было), вполне могли руки-ноги переломать, спускаясь по ледяным склонам к месту учебы. Один калиновский пацан, Петька Гладких все ж таки сломал руку, правда, он катился с горы на санках.

Теперь мы все стали саночниками. Автобусы не ходили – и шоссе оказалось в полном нашем распоряжении. Если подняться на Калиново (по заснеженным кустистым обочинам, чтоб не навернуться раньше времени), то катиться по ледянке можно было до самых Родионовых (а то и дальше, если не боишься зова пропасти), километра полтора, все вниз, вниз, вниз.

У меня не было санок, я садилась то за спину Тани Буравлёвой, то перед ней. Впереди надо было натянуть веревку и управлять салазками, сворачивая на поворотах и стараясь не слететь с наезженного большака. Мы мчались по петле дороги, а для сокращения пешего пути в горе невесть когда были выбиты ступеньки... И вот я, потеряв управление, свернула влево на лестницу, она, укрытая снегом, так заледенела, что санки, подпрыгивая и виляя, точно дикий мустанг, все ж таки одолели препятствие и нас не сбросили; мы промчались до второй лестницы, самой длинной в мире, с широченными ступенями, тоже ледяными, и мимо Таниного финского дома, резко вниз, вниз... мустанг совсем взбесился, да еще сзади пристроилась здоровенная собака Бородавкиных (соседей Буравлёвых), норовя ухватить Таню за плечо, и мы так заорали, что, наверное, разбудили всех измайловских мертвяков. И вот он, проход-проезд между конторой и столовой: санки врезались в столб электропередачи и встали на дыбы, вывалив лихих ездовых в сугроб. А Найда, перескочив через упавших, в недоумении остановилась и трижды пролаяла, будто прокричала ура!

Наши бурные скачки на салазках по высочайшей лестнице мира видел Генка Загумённый. Опасаясь быть сбитым, он прижался спиной к стене конторы, а потом принялся дико хохотать, бил себя по бокам и вскрикивал: «Ай да пиратки! Карамба, карамба, карамба! Чтoб меня!», – и даже прошелся по снегу колесом, испугав овчарку Найду.

Вообще, пацанам во взятом в плен поселке было раздолье: они устраивали между собой перестрелки снежками, и зазевавшуюся девчонку тотчас забрасывали белыми круглыми гранатами, или, подкараулив, выскакивали из-за угла и совали снег за шиворот, или, повалив, натирали снегом лицо – это называлось «намылить». Мы с Таней, хотя целыми днями пропадали на улице, старались избегать мест скопления пацанов, особенно старших, которые просто зверствовали этой зимой.

Света не было, вечером мы сидели при свечах и играли в «дурака». Иногда Таня Буравлёва ночевала у нас, и тогда Любовь Андреевна пыталась заниматься с ней немецким языком, но Таня не поддавалась учению, тарабаря перед сном с раскладушки: «Внимание, внимание, говорит Германия: сегодня под мостом поймали Гитлера с хвостом».

А потом в магазине кончились продукты. Хлеба давно не было, у кого имелись запасы муки, пекли свой, Любовь Андреевна мукой не запаслась, я кормилась у Буравлёвых (школьная буфетчица все ж таки раздобрилась, отсыпала родне казенной муки), и с собой мне совали теплый, только из печи, хлебушек.

Однажды тетя Валя напекла пирогов с капустой, и мы их уминали за милую душу, сидя у широкого окна, выходившего на присыпанную снегом крышу конторы и далекие белые горы, стоявшие в карауле. Вдруг послышался гул и гром (не похоже на грозу, хотя она в горах случается и зимой) – мы переглянулись, накинули пальтишки и выбежали на воздух. Колька, младший Танин брат, за тщедушность прозванный Килькой, опередил нас, он тыкал пальцем в небо и орал:

– Вертолет, девки, вертолет к нам прилетел! Это и впрямь был всамделишный вертолет, он опустился на площади, где прежде разворачивались автобусы, и снежная пыль, которую он поднял, окутала железного ангела, будто он закрыл лицо белыми крыльями. Все ходячие жители Центральной усадьбы выбежали из своих домов и окружили небесного пришельца, стояли кто ближе, кто дальше; винт замер, и летчик выпрыгнул на землю. Оказалось, он привез хлеб, молоко, сахар – все необходимое. Сбегали за продавщицей тетей Дусей Славиной, которая, точно школьница на каникулах, сидела дома: нечего было продавать. Мужики помогли выгрузить продукты и отнести в магазин, он тотчас открылся. Мы с Таней, прибежав к вер-

толету первыми, ухватили с двух сторон деревянный лоток с хлебом и потащили к магазину. Килька пристроился сбоку. Но перед лестницей мужики перехватили хлебный лоток и понесли к распахнутой двери, в которой стояла веселая тетя Дуся в белом, как горный снег, халате, накинута поверх пальто.

А потом вертолет взвился кверху, срывая остатки снежных покровов с площади, и мы принялись махать ему руками, шапками и платками, и махали до тех пор, пока доносился отголосок вертолетного гула.

Снег еще лежал, но дорогу расчистили, отремонтировали и пустили автобусы. Мы опять пошли в школу. Пионервожатая организовала игру «Зарница», наш класс сражался со старшими, там учились Мишка Фокин, Олег Родионов, Сергей Дьяконов (ближайший Танин сосед, он жил в бараке) – целая орава здоровенных мальчишек. Окна одной из комнат Буравлёвых выходили на их штаб, находившийся на пустыре. Они воткнули флаг (не красный, а клетчатый) на палке в снег, устроили вокруг снежный завал полутораметровой высоты и сидели внутри, охраняли флаг. И, кажется, потихоньку курили. Наш штаб был далеко, возле школы, одноклассники тоже воткнули палку с флажком (не красным, а желтым) в снег и караулили.

Мы с Таней подсмотрели из окна, что здоровяки оголодали и ушли обедать. На страже остались Сергей Дьяконов с Мишкой Фокиным и еще пара девчонок. Мы оделись потеплее, вышли на улицу и прогулочным шагом двинулись к вражескому штабу.

– А ну, дуйте отсюда, пока не прилетело! – крикнул из-за завала Мишка Фокин, нацелившись снежком.

– А мы не участвуем, чихаем потому что, – сказала Таня и доказательно чихнула. Я в удивлении уставилась на нее: на самом деле нас записали в игру, как всех. А Танька и говорит Дьяконову:

– Серега, пойдешь сегодня в кино? Называется «Еще раз про любовь»... Я бы пошла с тобой...

А надо сказать, что у нее дома, воспользовавшись тем, что все родные отсутствовали, мы навели, по словам Тани, марафет: намазали друг друга тети Валиной пудрой и про тушь для ресниц не забыли. И вот Сергей Дьяконов, увидев Таньку Буравлёву в новом свете – веснушек нет и глаза, обрамленные внезапно черными ресницами, сияют, точно голубые сапфиры, – покраснел, стал пожимать плечами и кивать:

– А чего ж, пошли, если тетя Шура Фокина пустит, – и покосился на Мишку, ведь это его мать была контролером в клубе и пускала на взрослый сеанс, кого хотела, а кого не хотела – не пускала.

Мишка, смеясь, стал говорить, что попросит мать, старшие девчонки, Нинка с Инной, включились в разговор, утверждая, что тетя Шура ни за какие коврижки не пустит Серегу с Буравлихой на взрослое кино. И все забыли о клетчатом флаге, переместившись в кружок обсуждавших кино-поход. Тогда я перевалилась через снежный завал (Мишка Фокин кинул на меня взгляд, но, видать, решил: раз эти не участвуют, то чего дергаться?), за спинами пробралась к флагу, выдернула палку из снега, флаг в карман, перевалилась обратно и – бегом прочь. Танька внезапно отскочила от киношного кавалера и тоже дала деру. За нами, конечно, погнались, вопя и матерясь. Но возле финского дома нас дожидался длинноногий Сева Ясинский, он схватил флаг и бегом в наш штаб. Уж Ясинского никому, – хоть здоровяку, хоть нет, – не догнать!

Наш класс победил, но Нина с Инной нажаловались пионервожатой, мол, нечестно: Сажина с Буравлёвой утверждали, что не участвуют в игре, мы им поверили, а они... Но вожатая, посмеиваясь, сказала, что это – военная хитрость, не надо было уши развешивать, а охранять флаг как положено. Подслушавшая беседу Натка Фокина стала обзывать старшеклассниц сексотками, я никогда не слышала такого слова и решила посмотреть в словаре, но в словаре его не было, тогда я поинтересовалась у Натки, откуда она его взяла, Натка сказала, что мать

так говорит, а уж она знает, потому что... не важно, а то, что в словаре нет «сексотки», – так ведь и маты там не прописаны, а в воздухе носятся, да еще как часто употребляются. Я приняла ее ответ, тем более что по ситуации было понятно, что слово означает.

Мы с Таней дорого заплатили за свою военную хитрость. На следующий день большие пацаны подстерегли нас после уроков и так «намылили», что чуть не оттерли все веснушки.

Пару дней мы просидели дома с малиновыми щеками, и я подумала, что мертвяки опростоволосились (скорее, оскальпировались): ведь это Загумённый с Лаптиновой украли их любимый «Снежок», а расплачиваться пришлось нам с Таней. А Людка Бородавкина, которая училась в городе, с гордостью говорила, что там уже да-авно нет никакого снега: видимо, так далеко (до города было километров 15–20) влияние измайловских мертвяков не распространилось.



## Глава 4

– Вода намывает золото в ущелья, – сказал Стампи.

– Всегда так было и так будет!

**Брет Гарт. Счастье Ревущего Стана**

Наконец, наступила весна – снег оставался только на дальних вершинах, видных с берегов высокогорного Калинового озера. В нашем саду цвела жемчужная алыча в проблесках зеленых, трогательно крохотных детских листочков и пахла на всю округу, будто нас заперли в парфюмерном магазине. Я раскачивалась на качелях – на доске, висящей на канатах, привязанных вверху к перекладине бывшего турника, – и смотрела на далекую петлю шоссе внизу, по которой шли братья Родионовы, наверное, с тренировки.

Мы с Таней Буравлёвой так и не сходили к верховьям Змейки, чтобы намыть золотой песок: то поселок снегом занесло, то уроки, то у нее бесконечная уборка (тетя Валя любит, чтобы все в доме блестело, а три комнаты – это вам не одна, да еще Килька раскидывает вещи и не убирает за собой, а если Батя, так они зовут отца, дядю Андрея, напьется, то все – начинай уборку с начала). Но наступили весенние каникулы – и сегодня мы твердо решили встретиться и заняться делом. Я дождалась, чтобы Любовь Андреевна ушла из дому (опять в клуб репетировать), и, соскочив с качелей, завернула в подполье (туда вела дощатая дверца, как раз под тем окном веранды, что смотрит на горы), там хранился головной убор вождя апачей (давненько не надевала), серая куртка из рогожки с желтой бахромой по рукавам припрятана тут же, в наволочке (мало ли как Любовь Андреевна отреагирует на то, что бахрома со штор исчезла и перекочевала на куртку, правда, она купила новые шторы, а про старые вроде забыла, но береженого бог бережет, как говорит Танька-Соколиный Глаз). Лопата стояла тут же, в углу: мы с Любовью Андреевной уже вскопали огород и даже картошку посадили. А вот дырявого таза у нас не было, зато таковой имелся у Тани, ведь Буравлёвы, в отличие от Сажиных, прожили в поселке достаточно для того, чтобы эмалированный таз для стирки прохудился.

Облачившись в куртку с бахромой, обув резиновые сапоги, а на голову нацепив головной убор апачей из разноцветных перьев, я спустилась по крутой тропинке, сокращавшей путь, к шоссе, прошла мимо опустевшей и притихшей на время каникул школы. Пока навстречу мне никто не попался. Я понимала, что, вероятнее всего, привлеку к себе некоторое внимание, но, учитывая, что поселковый народ был в это время дня на работе, мне удалось пройти почти незамеченной. Ну, а вильнувшего к обрыву велосипедиста, отчаянно бибикнувший рейсовый автобус, а также полную писем, газет и журналов сумку, которую уронила при виде меня почтальонка тетя Рая, – можно в расчет не брать. Я ожидала гораздо-гораздо худшего.

Обойдя стороной столб электропередачи в виде буквы А (проходить между ног такого столба – к несчастью, научила меня опытная не только в кладбищенских делах Таня Буравлёва), я принялась подниматься по высочайшей в мире лестнице, теперь свободной от снега и льда. Наконец, подъем окончен: налево финский дом на две семьи, Буравлёвых и Бородавкиных, направо – двухэтажное здание, в нем десяток квартир, кстати, в одной из них живет продавщица тетя Дуся Славина.

Во дворе Таниного дома росла высоченная дикая черешня и тоже цвела и благоухала вовсю (правда, наша алыча пахла сильнее, если дотягивалась запахом от нижнего забора, где росла, до качелей). Танины родичи были на работе, Килька носился с друзьями (наверное, в штандер играют, предположила Таня), так что мы были вольны делать, что задумали.

Танина куртка отличалась от моей по цвету (у нее синяя), бахрома желтая у обеих, а головной убор апачей был даже перистей моего (Буравлёвы держали кур). Разумеется, она обула резиновые сапоги, взяла с собой вторую лопату и дырявый таз. А еще в сарае Бати

была припрятана заготовленная фанерка с надписью «Участок застолблен Сажинной и Буравлёвой!!!», фанерку с молотком и гвоздями положили в старенький вещмешок, который решили нести по очереди. Таня не задавала лишних вопросов, например, почему мыть золото нужно обязательно в индейском головном уборе, – и я была ей благодарна. Чего греха таить: нам надо, наконец, просто выгулять наряды вождей (в школу ведь в таком виде не пустят), а когда и выгуливать, как не на каникулах.

Соколиный Глаз безоговорочно слушалась меня: во всем, что касалось книжек, я была на библио-высоте, а Таня не прочла, как-то так вышло, ни одной. Зато она была гениальной слушательницей – и я пересказала ей всё, что когда-либо прочла. Заниматься с ней было невозможно, она сразу засыпала, или захлопывала с возмущенным треском учебник, или, поглядев по сторонам (мы сидели на нашей веранде), говорила, что у нас не убрано, и мы (я, вынужденно, вслед за подругой) хватались за веник и швабру, на радость Любовь Андреевне. Зато в списывании Таня была асом, любого за пояс заткнет, и так кругло переписывала готовое, что куда там мне! Перед каникулами за контрольную по математике, красиво и четко переписав мои черканые-перечерканные решения, она получила четверку, а я тройку. Не скрою, это уязвило меня в самое сердце. Луиза Андреевна, объявляя оценки, посмотрела с прищуром, а потом и прямо высказалась:

– А чтоб не давала Буравлёвой списывать, пусть сама решает!

Но – долой учебу! Мы шли искать золото!

На беду навстречу нам попался Генка Загумённый, сдружившийся с братьями Фокиными. Генка жил в крайнем многоквартирном доме, по дороге, ведущей на Калиново, то есть на противоположном конце Центральной усадьбы, а вот поди ж ты... Может, он хотел подольститься к братьям, потому что ему нравилась Натка Фокина, не знаю... Во всяком случае, в футбольных баталиях на косом поле Генка замечен не был, хотя Натка изо дня в день стояла там на воротах и ловила мячи, летевшие в нее со всех сторон.

От конторы свернули направо к длинному зданию клуба. Афиша сообщала, что сегодня в 20–00 состоится показ фильма «Искатели приключений», а пока из дверей доносились женский голос и два мужских: «Ты помнишь, как хотели 4-го апреля, 4-го апреля, ты помнишь, как хотели в театр оперетты мы пойти... В театр мы не попали, билетов не достали, мороженое ели ассорти...». Это Любовь Андреевна, физик Сомов и завклубом Павел Ильич Смондарев репетировали. Недавно в честь 8 Марта состоялся концерт, где они выступили с этим номером и имели грандиозный успех, но успеха много не бывает – теперь они совершенствовались в опереточном пении, готовились к следующему, первомайскому концерту, забыв про немецкий язык и физику, только завклубом выполнял свои прямые (или косвенные) обязанности.

Мы почти добрались до пилорамы, когда из-за деревьев, ведущих к ручью, выскочили мальчишки. Генка еще не удостаивался видеть меня в индейском обличье, но и братья Фокины были несколько обескуражены: один вождь апачей в нашем поселке – еще ладно, но два!.. Правда, братья, наверное, еще не забывшие о метком ноже, вслух не стали удивляться удвоению вождя, зато Генка потешался вовсю:

– Ого! Пиратки вернулись на сушу и ошипали всех кур в округе!

– И съели! – не выдержав, подал голос Мишка Фокин, не забывший также и про фиаско с «Зарницей».

– Ага! То-то я думаю, куда куры пропали... И яиц нет в магазине! Вот ведь диверсантки! И Правило Буравчика не отстает от подруги! Как вас теперь называть-то, а, девчонки?

– Одну зовут Большое Ухо, – вспомнил Валентин Фокин, – а вторую...

– Соколиный Глаз, – представилась Таня и горделиво выпрямилась.

– Это просто... это просто не знаю, что такое! Тут Генка решил проверить, как держится центральное бронзово-зеленое перо на головном уборе одного из вождей. К сожалению, ножа

при мне не оказалось, пришлось обходиться подручными средствами – я замахнулась лопатой, и Юрка Фокин со своей стороны предостерег наглеца:

– Ты поосторожнее, Геныч, она ножами кидается, как, как...

– Как Верная Рука, – dokonчила я. – А закопать любого бледнолицего для меня пара пустяков, – и я, выбросив обрамленную бахромой руку с лопатой в сторону, воскликнула: – Хук, негодяи!

– Ладно, я все могу понять, вожди, но зачем вам тазик?! – спрашивал надоедливый Генка: таз мы несли в руках, в рюкзак он не поместился.

– Мы сегодня старатели, – отвечала я, решив не ломаться и внести ясность в происходящее.

– Стиратели?! – потрясенно завопил Валентин Фокин. – А чего дома не стираете? Куда вас несет, Глаз и Ухо?

– Да еще и таз дырявый, – ввернул Мишка.

Но мы с Таней уже шагали своей дорогой, и Соколиный Глаз, обернувшись и взмахнув тазиком, воскликнула:

– Вам не понять, бледнолицые!

Таз и рюкзак, из которого торчала фанерка, мы несли по очереди, и все равно с лопатами в руках идти по пересеченной местности было довольно сложно, да еще перья цеплялись за ветки и кусты, пару раз головной убор даже слетел с меня. Весенние птицы, оседлавшие деревья, при виде апачей закатывали истерические трели, они просто неистовствовали, приветствуя братьев по оперению.

Прошло немало времени, прежде чем мы спустились в ущелье, по дну которого текла Змейка. Решили к верховьям не подыматься, а попробовать поискать прямо здесь. Золото – оно ведь такое, лежит, где вздумается. Выбрав подходящее местечко, мы заприметили бук с толстым стволом и прибили фанерку повыше, застолбив таким образом участок. После вошли в прозрачную воду, на небольшую глубину, чтоб волна не перехлестывала через верх сапог: течение здесь было довольно быстрым. Соколиный Глаз набрала лопату прибрежного грунта и шмякнула в таз, который я, держа в двух руках, опустила в воду, потряхивая и стараясь размельчить грязь, чтобы золото, если оно будет, осело на дно; потом мы поменялись с Таней ролями: я шмякала береговой грунт, а она болтала тазом, погруженным в воду, из стороны в сторону. На опыте мы убедились, что вторая лопата – лишняя, вполне достаточно одной. Я предполагала, что мы всё делаем правильно, однако в конце концов, после всех манипуляций, кроме грязи на дне таза, ничего не намылось.

– Может, в дырку ушло, – предположила Таня, – может, нужен целый тазик?

И я, подумав, согласилась:

– Да, это моя вина, в следующий раз возьмем целый. И... и еще нужна мелкая сетка, металлическая, надо подумать, где найти такую...

– Найдем где-нибудь! А в Сакраменто вы как мыли золото: в дырявом тазу?

– Д-да, но там грунт другой и вообще...

– И много золота намыли?

– Достаточно.

– А где оно?

– Закопали, конечно.

– Обратно в землю?!

– Ну, да! В сундуке. И нарисовали карту, я же говорила, как это по правилам делается: когда тень сухой длинной ветки одинокого дерева ровно в три часа пополудни укажет направление, надо отмерить от конца тени десять шагов в этом направлении, тут и будет закопан сундук, а на карте в этом месте должен стоять крестик.

– О, я знаю подходящее дерево! – воскликнула Танька- Соколиный Глаз. – Ты его с веранды каждый день видишь:

дикая черешня на горе, на чаю. Когда найдем золото, закопаем там! А большую ветку надломим – она и высохнет. Только карту никому не покажем, да? А то мы старались- старались, искали это проклятое золото, его еще попробуй затащи на гору, сундук-то, он же тяжеленный, а кто-то придет на готовенькое – и выкопает...

Я сказала, что сейчас черешня вся белая, будто добавочное облако! И вспомнила еще один способ:

– Можно на конце самой длинной ветки укрепить белый череп, в левый глаз продевается на бечевке железная гайка и опускается вниз, где она коснется земли, там и надо рыть...

– А где мы череп возьмем?! – воскликнула несколько шокированная Таня.

– Ну... можно не человеческий, а череп козла, например... Я видела у вас в сарае...

– Это Батя горного козла подстрелил, он ни за что не отдаст его... И если без спросу возьмем, нам та-ак влетит! А знаешь что: в школе, в кабинете биологии, в шкафу есть скелет, упрям черепашку и на черешню присобачим, а?

Но тут в заводи у берега я увидела взблеснувший на весеннем солнце самородок. А рядом еще один! Я подтолкнула Таню в бок, указывая на камни, и мы издали индейский клич – ну, всем известно какой: бьешь ладошкой по полуоткрытому рту, крича при этом «бу-бу-бу». Как хорошо, что самородка два, всё по-честному: один камень – мне, другой – Тане. Правда, вкрапления в обоих камнях были не желтыми, а белыми, но зато как сверкали! Явно драгоценные камни, может, даже алмазы! Мы договорились в следующий раз все перекопать на застолбленном участке. Тазик оставили в кустах, может, еще пригодится. А сейчас – пора домой! Вон солнце уже на закат. Как бы не влетело!

Мы почти поднялись к проселку, ведущему от Семеновки к Центральной усадьбе, когда встретили старика. Хотя, может, это был и не старик вовсе, просто зарос серой щетиной до самых глаз; на ногах – кирзовые сапоги, весь в старье, подранном колючками (так что бахрама на его одежде была естественного происхождения), на голове проломленная с одного бока коричневая шляпа, как у пугала; он и вел себя, как пугало: стал на пути и широко растопырил руки, будто решил нас поймать. Мы остановились, Таня вцепилась в меня.

– Эй, девчонки, – заговорило Пугало. – Или вы не девчонки? Взвейтесь соколы орлами... Птицы какие-то? Не разберу. Чего одни ходите по лесу? Никого не боитесь, да? Головкой вас не шмякали еще об асфальт? Или вы улететь можете? Раз – и на небе, да? Ничем орлят не испугать – орлята учатся летать? Или вы закопать меня пришли, зачем еще по лесу ходить с лопатами? Ух, вы!

– Пропустите нас, – сказала я как можно строже, и заискивающе добавила: – бледнолицый брат мой...

Таня зашептала:

– Умоляю, только не сейчас...

– Это же просто бледнолицый... – начала я не очень твердо, встряхивая перьями на голове, но Таня ущипнула меня и проговорила:

– Мирон Васильич, мы просто девочки, мы маленькие еще, мы не хотели вас расстраивать своими перьями и лопатами, это... это мы в «Зарницу» играем, и тут кругом в лесу наши ребята... и учительница, ух, строгая, Луиза Андреевна... – и прокричала: – Луиза Андреевна, мы здесь-есть!

Мирон Васильич опустил тогда руки и кивнул: проходите. Уговаривать нас не пришлось: проскользнув мимо Пугала, мы мигмом одолели оставшийся до дороги подъем, и сломя голову понеслись к поселку. А снизу, из лесу вслед нам неслось:

– Больше не попадайтесь! А не то...

Остановились только у пиlorамы: слышно было, как мужики доски пилят. Когда отдышались, Таня сказала, что это Мирон-дурачок, он в лесу живет, далеко-далеко, у него там балаган. Один раз Батя пошел за царскими грибами...

– Царс-ки-ми?!

– Ну, да: с красными шляпками, похожи на мухоморы, только без конопушек... Вкусные, лучше белых...

– И?!

– И видел этот балаган, за речкой, под скалой!

– Балаган – это дом?

– Балаган – это балаган. Батя говорил, вроде избушки на курьих ножках!

– Только там не баба Яга сидела, а Пугало, – подытожила я. – А дядя Андрей зашел внутрь?

– Еще чего! Ты бы зашла?

– Нет. Не знаю. А что он ест, Мирон этот?

– Что-что: не детей все-таки... У него ружье припрятано отцовское, но зверей, говорят, не трогает, рыбачит только, каштаны и орехи, как белка, собирает, грибы вот тоже, да травы всякие, ягоды, как пойдут, шиповник, к примеру. В поселке почти не показывается, даже близко не подходит. Кто-то его хлебушком снабжает, небось мать, тетя Дуся-продавщица.

– Ничего себе, они скорее на брата и сестру похожи...

– Ага. Говорят, когда он в армии служил, его выкинули из казармы в окошко, он головой треснулся, и всё – дурак на всю жизнь. За себя не отвечает. Что-нибудь сделает – и не посадят, в психбольницу разве...

– В Краснодар, – сказала я со знанием дела.

– Во-во!

– Как же мы пойдем копать золото: только-только застолбили участок, нашли отличные камушки, и вот... Неужто испугаемся этого пугала бледнолицего? Мы, вожди апачей!

– Там видно будет, – сказала Танька-Соколиный глаз со вздохом.

Мы стояли на перекрестке, возле столба электропередачи, пора было расставаться. Она по высочайшей в мире лестнице потащилась вверх, а я, содрав с головы украшение, пошла к себе: вдруг Любовь Андреевна уже вернулась с репетиции и не одобрит мое оперение. И что-то в памяти засвербило: какое-то слово хотело выскочить из-под завалов, а может, не слово, а видение... Я потеряла лоб, но тут навстречу попала Натка Фокина и осудила желтую бахрому на моих рукавах: она, как опытный человек, росший в большой семье, мигом определила, откуда эта бахрома... Ну, и ладно, совсем это меня не проняло.

– Нечего чужую бахрому порочить! Иди, лови свои мячи! – послала я одноклассницу куда подальше.

А Любовь Андреевна – да, уже пришла из клуба и... и заявила, что почтальонка тетя Рая принесла нам извещение из Адлерского суда, куда нас вызывают... И... и на суд должен приехать мой отец.

## Глава 5

*– Отец мой! Отец там! Я уверен в этом, милорд!.. Свидетели этой мучительной сцены поняли наконец, что дети капитана Гранта были обмануты галлюцинацией. Но как убедить их в этом?*

*Жюль Верн. Дети капитана Гранта*

Почтальонка еще никогда не приносила нам писем. Сколько я ни караулила (вдруг кто-то вытаскивает корреспонденцию), в почтовом ящике неизменно оказывались только газеты, телепрограмма, иногда журнал «Работница» или «Советский экран» (помимо оперетты Любовь Андреевна увлекалась кино – всех артистов, и наших, и зарубежных, знала в лицо и по имени-фамилии). Некоторое время назад я даже повадилась выходить к шоссе навстречу тете Рае (по ней можно было время сверять: она всегда приносила почту в три часа), небрежно спрашивая, нет ли Сажиным письма, но почтальонка мотала головой отрицательно. Хоть бы одно письмецо, только бы глянуть на обратный адрес... но нет, никто, никто никогда не писал нам!

И вдруг – извещение! Конечно, это не совсем письмо, а все же... Вслед за ним должен прибыть мой отец, это куда лучше любого письма! Любовь Андреевна твердо обещала: она сказала, что он подал на развод и обязательно должен приехать, не может не приехать! Я высказывала осторожные опасения: а вдруг он еще там, в темнице...

– В какой еще темнице? С чего ты взяла? – она почти кричала.

Ну, ладно, и впрямь ей лучше знать: значит, он уже на свободе... Но вдруг все еще занят делом мести, и ему не до нас... Да и очередной суд... захочет ли он встречаться с несправедливым судьей еще раз? Чтобы опять оказаться в замке Иф... Нет, нет, долой сомнения: он приедет.

До заседания суда оставалось больше недели, но Любовь Андреевна сделала в парикмахерской очередную химическую завивку, съездила в город, купила материи на платье (мол, в поселковом промтоварном плохой выбор) себе и мне, – и мы отправились к портнихе Анастасии Николаевне, которая жила в «конторе». Конечно, не в самой конторе, контора занимала только первый подъезд (там же, как войдешь – направо, почтовое отделение), второй подъезд состоял из обычных квартир, но все здание называлось «контора».

Анастасия Николаевна оказалась худенькой седенькой старушкой-блокадницей с тонюсеньким голоском. Когда мы поднялись к ней, она пила чай с подругой Прасковьей Борисовной, тоже седой старухой, но полной, широкой и басовитой; нам тоже предложили чаю. Вторая старушка тотчас после чая удалилась; с нас сняли мерки, и портниха обещала, что платья будут готовы через четыре дня. Окно портнихиной квартирки на втором этаже смотрело на опору электропередачи (сверху мне еще не доводилось видеть эту гигантскую деревянную А, под перекладиной которой нельзя проходить).

Любовь Андреевна отправилась домой, а я попросилась сходить к подруге, ведь вот она, лестница, ведущая к ней.

Таня занималась уборкой, но, поскольку подгонять ее было некому (тетя Валя и Батя были на работе), она отставила ведро и швабру в сторонку. Я рассказала ей о предстоящем суде, о новом платье, о портнихе... И Таня, зная всё про всех не только на Центральной усадьбе, но и в ближайших селах, сказала, что дочь Анастасии Николаевны в Краснодаре... Я подняла брови.

– Да, да, в сумасшедшем доме. И дочь Прасковьи Борисовны, ее подруги, там же... Может, даже в соседней палате. Они вместе ездят проводить своих психичек.

– А... что с дочками случилось?

– Одна, говорят, в медицинском училась и сбрендила, когда студентов в морг повели. Это дочка портнихи-то вашей. Старушка всякого навидалась в блокаду, а дочка – вишь, какая неженка оказалась: не вынесла мертвяков. А дочь Прасковьи, наоборот, от жизни свихнулась...

– Как это – от жизни?

– Ну, парней у нее не было, мать не давала гулять, вот и...

– Ерунда какая-то.

Мы перешли к гораздо более интересной теме: Таня вспомнила, что ее сосед, дядя Петя Бородавкин – геолог, он и работает на буровой, раньше нефтяные скважины бурил на севере, а сейчас чего-то напротив 11-й школы дырявит, за речкой (эта школа в пригороде, и ребята из поселков, которые ближе к городу, чем к усадьбе чайсовхоза, ездят туда); геолог наверное скажет, что за камни мы нашли, только надо дожидаться его с работы. Я отправилась домой за моим камушком, а Таня продолжила уборку.

Ни один член семьи Бородавкиных, как я успела выяснить, не имел бородавок, даже старшеклассница Людка, учившаяся в городе. В отличие от меня. У меня было две бородавки на пальцах левой руки, поменьше и побольше. Я очень переживала, но Таня сказала, что это пустяки, она мигом сведет их, у нее в прошлом году десяток был, прямо россыпь этой пакости, а теперь погляди-ка – и она предъявила свои и впрямь гладкие, безбородавочные руки. Да, она помнила, что с ней случилось в прошлом году... В отличие от меня. Ну, и ладно. Мой драгоценный камень мы положили покамест к Таниному камню, в ее школьный портфель, куда проныра Килька ни за что не полезет, – и пошли сводить бородавки, оказалось, что сейчас самое время.

В этот раз не я, а Таня схватила кухонный ножик и вонзила в дерево, росшее напротив крыльца, предварительно отколупнув кору, – по лезвию побежал густой белый сок. – У инжира началось сокодвижение, – сказала Таня гордо. – Смотри, как надо... – Она намазала едким соком обе бородавки, и еще накапала с ножа древесного сока в пузырек из-под лекарства, закрыв его затем резиновой пробкой:

– Это тебе с собой. Будешь мазать – и все пройдет, вот увидишь!

– Да ты просто фельдшер! – воскликнула я. Таня скромно потупилась, слегка улыбнувшись, а тут и дядя Петя Бородавкин вернулся с работы. Переждав маленько: вдруг он ужинает, мы пошли к соседям Буравлёвых. Найда на этот раз сидела на цепи и только слегка рыкнула, когда мы вбежали на крыльцо.

Дядя Петя, повертев в руках наши камешки, сказал, что это – обычный кварц, бывает кварц золотиносный, он как губка, и вкрапления желтые, иногда с краснотой, грязноватые такие, а ваши камни, девчонки, – не золотиносные, увя.

– Но вы все равно молодцы! – продолжал сосед. – И правильно делаете: в наших краях тоже ведь была золотая лихорадка, как в Калифорнии и на Клондайке, правда, организованно вели поиски, на государственном уровне, и не только песок золотой мыли на Сочинском прииске, а находили самородки до 200 граммов! (Мы с Таней переглянулись.) Только вот насчет нашей Змейки мне доподлинно неизвестно, знаю про прииски в верховьях рек Сочи, Мзымты и Шахе, но в 50-х годах позакрывали прииски – и зря. Ну, а старатели – вроде вас! – до сих пор пытаются искать золото, только тайком. Я вам больше скажу: за Красной Поляной, высоко в горах, есть кимберлитовая трубка...

– Это чего такое? – спросила потрясенная рассказом Таня.

– Это древний вулкан, после извержения получилась такая труба в земле, к выходу на поверхность она расширяется – до километра в диаметре. Кимберлитовая трубка где-то на 10 процентов состоит из алмазов. Оттуда, из трубки, их и добывают... В ЮАР больше всего, в Якутии тоже есть...

– И у нас на Красной Поляне?! – воскликнула я.



– Нет, у нас пока нет. Но... кто знает? Может, вы выучитесь на геологов и организуете добычу алмазов.

Камушки дядя Петя нам вернул, и мы решили их сохранить: пусть простой кварц, не золотиносный, а все ж с нашего участка! И когда еще мы соберемся мыть золото, учитывая, что вокруг бродит страшное Пугало.

Когда мы вернулись от соседей к Буравлёвым (любопытного Кильки дома не было), Таня подытожила:

– Вот ведь! Я-то думала, что мы просто книжные истории повторяем, вроде как забава, а оно вон оно что!

Я ухмыльнулась: тоже не ожидала, что всё окажется так серьезно, по-настоящему. Кимберлитовая трубка в горах за Красной Поляной очень меня вдохновила.

– Говорят, Сергей Александрович, учитель истории, каждое лето водит ребят в походы... Надо ему предложить направление: к алмазоносной трубе!

И мы с Таней, хоть и были на сей раз без головных уборов апачей, издали индейский боевой клич!

Портниха не обманула: после примерки, ровно через четыре дня, платья были готовы. Конечно, я тоже училась помаленьку шить – на домоводстве, которое в свободное время (после четырех уроков) вела учительница третьеклассников Алевтина Васильевна, но ситцевую в синих крапинках юбку, которую я, после многих упражнений, умудрилась пошить, носить было нельзя: бок задран, швы кривые, и присборена так, что даже я в ней казалась толстушкой. «Слабенькая троечка», – сказала со вздохом Алевтина Васильевна и потрясла моим шитьем перед лицами товарищей. На уроках домоводства были свои отличницы: второгодница Оля Лаптинова, грудь которой устремилась к носу, готовясь, видимо, переплюнуть знаменитую скифскую грудь Бабы Гали, и Таня Буравлёва – они шили сносно.

Но платья, которые сшила блокадница, просто украсили двух представителей человечества: Любовь Андреевну и меня (меня в меньшей степени). Кримпленовое в голубых цветах платье, в которое нарядилась она, никого не могло оставить равнодушным. А еще завитые в кудри волосы, белые бусики, капроновые чулки со швом сзади и туфли на шпильке: нет, Граф не должен устоять!

Я тоже была девчонка не промах: в льняном платье цвета маргарина, с черными кружевами (белых не нашлось) по круглой кокетке и воротничку, а еще туфли-лодочки и две жиденькие серые косички, заплетенные от самых ушей и достающие до плеч. Мои веснушки Любовь Андреевна замазала специальным кремом. Правда, я не узнала себя в зеркале, но это уж издержки портновского гения Анастасии Николаевны, а также парикмахерского и косметологического искусства Любови Андреевны. Да, наверное, апачи расстроились бы, увидев нынче своего вождя... Впрочем, я же не собиралась изо дня в день щеголять в таком виде.

И вот мы вдвоем едем в рейсовом автобусе очень-очень далеко – в Адлер. На остановке «Санаторий «Заря» пересадка на № 4, и с виадук, из окна автобуса, я вижу прямую линию горизонта, причем синюю, четко обозначенную морем и проведенную в обе стороны; наконец-то горы расступились и остались позади, и, может быть, из-за морской равнины хоть краешком выглянет мое прошлое...

Но горы отступили лишь на время, дорога зазмеилась по склонам, да еще как, похлеще той, что вела на Центральную усадьбу, кто-то из пассажиров сказал, что автобус повернул на «Тёщин язык» (неужто язык всех тёщ не только длинный, но и извилистый?!). Любовь Андреевна побледнела на зависть всем бледнолицым, а меня укачало и вырвало, правда, она успела подставить под фонтан, извергавшийся из моего рта, свою раскрытую пошире выходную сумочку. Да, эти горы не оставляли своих происков, может, они разозлились из-за двух кварцевых камушков, которые мы с Таней у них отняли... Но это же такая мелочность с их стороны...

Едва живые добрались мы до Адлера. Суд находился в сером двухэтажном здании, неподалеку от моря, но и морской горизонт уже не радовал: я искала взглядом урну, меня опять тошнило. И нашла. А Любовь Андреевна достала пудреницу из пострадавшей сумочки и попыталась привести себя в порядок.

К задней стене суда завернул желтый милицейский газик с решетками на окнах; конечно, я, забыв про тошноту, побежала следом, а Любовь Андреевна, не желавшая что-нибудь упустить, за мной; мы увидели, как из машины вывели преступника в наручниках, в сопровождении двух конвоиров он направился к черному ходу; но по разочарованному виду Любовь Андреевны, я поняла, что это не Граф.

Мы предъявили извещение в окошечке, и нам приказали дожидаться: пригласят. Любовь Андреевна внимательно оглядела тех, кто тоже ждал суда, но, видимо, того, кто нам нужен, среди них не было. Потом она, велев мне никуда не уходить, прошлась по коридорам, но вернулась, не солоно хлебавши: дежурный не пустил ее на второй этаж, не клонув на гениальный пошив платья (наверное, там, наверху судили привезенного из мест заключения преступника, и милиционер опасался за ее жизнь: вдруг случится побег).

Наконец, нас пригласили в маленький зальчик для заседаний, тут же, на первом этаже. Любовь Андреевна оглядывалась по сторонам, но, кроме нас, никто в зал не вошел. Только на возвышении за стойкой сидела судья, без парика и судейской мантии, в обычном сером пиджаке, и с химической завивкой волос, я даже сначала не поняла, что это судья... И всё очень быстро закончилось. Судья зачитала заявление Сажина А. В. о разводе с Л.А. Сажинной, причина развода: раздельное, в течение трех лет, проживание, а также не ведение совместного хозяйства... Судья велела Любовь Андреевне встать и спросила, так ли это... И Любовь Андреевна дрожащим голосом ответила:

– Та-ак.

Тогда судья сказала, что Сажин А.В. должен выплачивать на совместного с ответчицей ребенка алименты.

– Это – совместный ребенок? – спросила судья, указав на меня, и я, решив, что меня будут допрашивать, встала, но судья замахала на меня: садись-садись. И я села. А Любовь Андреевна сказала свое «да», а потом тоже вскочила с места и спросила:

– А почему он не явился?

– Это дело заявителя, – миролюбиво отвечала судья, – он может приезжать, а может и не приезжать, тем более из такого далека, заявление есть – больше ничего не нужно.

Судья стукнула молоточком по столу, дело было сделано: развод оформлен.

На обратном пути до автобусной остановки Любовь Андреевна не поднимала головы, не слушая моих пылких речей, а я говорила:

– Он и не мог приехать: он все еще там – в замке Иф, я уверена... А вот когда сделает подкоп и сбежит, да еще выкопает клад на острове и отомстит кому надо, вот тогда мы его и увидим, помяни мое слово! А заявление поддельное: кому-то выгодно вас развести. Дай ему время!

## Глава 6

*Положение начинало вызывать беспокойство: все эти беды, следующие одна за другой, могли быть делом случая, но с такой же вероятностью могли быть плодом заговора.*

*Александр Дюма. Три мушкетера*

Таня Буравлёва все же прочитала одну книгу. Сначала у нее открылась аллергия то ли на мокрую мешковину, то ли на весеннее цветение – чихала она раз по десять подряд, и руки покрылись сыпью. Теперь, к досаде тети Вали, дочка не могла с прежней частотой намывать полы. Ей даже дали освобождение от занятий на целую неделю. (Кстати сказать, от бородавок она, в тандеме с инжиром, меня избавила).

Чтобы Таня не сошла с ума от безделья, Людка Бородавкина одолжила соседке книжку, взятую в городской библиотеке. Таня прочитала томик, вернула, и у ней открылись глаза. Это была «Машина времени» Герберта Уэллса. А я, как назло, ее не читала, и в нашей поселковой библиотеке такой книжки не оказалось – теперь настала очередь Таньки учить меня книжной жизни. Она со знанием дела поведала мне о будущем 802801 года, в котором человечество разделилось на морлоков и элоев.

– Ты что – не знаешь, кто это такие? Темнота-а!

Потом Таня заявила, что мы должны построить машину времени: она знает, как...

– Нужен никель: возьмем никелированные спинки от старой кровати, у Бати в сарае стоят, прикрутим их цепью Найды, досками, соединим и сядем, там еще кой-чего, конечно, надо... но это не обязательно, главное, у нас есть кварц – из него сделаем такие специальные стержни... Смотри, как здорово: вот и пригодились камушки...

– По-моему, двух камней для машины времени будет маловато, – сказала я осторожно, впечатленная тем, как прочитанное повлияло на мою подругу.

– Ничего, пойдем на наш застолбленный участок и еще найдем! – не принимала возражений Таня, игнорируя возможность появления возле речки Мирона-дурачка.

Оказалось, что машину времени (которой пока что не было) надо держать внутри пьедестала, ну... вроде как в гараже, а сверху должен стоять белый сфинкс – это такой каменный лев с человеческой головой и орлиными крыльями...

– Знаю, знаю, он еще загадки загадывает, а кто не отгадает – тому трындец...

– Про это в «Машине времени» ничего не написано.

– И, по-моему, сфинксов в нашем городе нет, ни белых, ни серых – надо ехать в Ленинград, – попыталась я вернуть Таню на твердый асфальт из зыбучих книжных страниц.

– Ничего, съездим, – парировала Буравлёва.

Но самым неприятным оказалось то, что теперь она не пропускала ни одного канализационного люка, уверяя, что мы должны сковырнуть крышку и залезть внутрь, там, в колодце, будут такие металлические скобки для рук и ног, вроде лестницы, спустимся вниз и увидим морлоков: глаза красные, на голове и спине – шерсть...

Но когда мы с большим трудом сдвинули чугунную крышку и заглянули в один люк, там не оказалось никаких скобок-лестниц, только далеко внизу плескалась вонючая жижа.

– По-моему, у морлоков случился всемирный потоп, – утешала я подругу, – и они утонули в своих отходах...

Поскольку сфинксов в нашем городе не нашлось, я предложила Тане называть дома, где мы с ней живем, не финскими, а сфинкскими. Тогда мы с ней – две машины времени.

К счастью, наваждение «Машины времени» длилось не слишком долго, потом все пошло своим чередом, разве что в сборнике оскорблений, которыми мы награждали мальчишек, появилось слово «морлоки».

Возиться с водой Тане запретили, но она не могла себе отказать в удовольствии что-нибудь приготовить. Довольно часто приготовлением обеда мы занимались у нас на веранде, которая в теплое время года становилась кухней. Я была на подхвате. И вот как-то раз сварили мы макароны, приправили сыром, уплетаем их в комнате у низенького окна, выходящего на бугор, по которому лезет к сараю за какой-то надобностью Валентин Казимирович, и одновременно дожидаясь, когда на веранде в чайнике вода закипит, вдруг слышим: фр-р, бах – керогаз вспыхнул пламенем (хорошо, что мы не умотали в сад качаться на качелях!). Таня среагировала мгновенно: заскочила обратно в комнату, схватила одеяло с кровати Любовь Андреевны и накинула на огонь, который попыхтел, попыхтел, пытаясь вырваться, – и стих. Я, правда, тоже поучаствовала в тушении: поливала одеяло водой.

Когда Любовь Андреевна пришла после педсовета из школы, только закопченный чайник, черная полоса на стене да загубленное одеяло могли поведать о том, что случилось. Мы думали, нам попадет, но она сказала:

– Вы молодцы! Погубили одеяло – не велика цена – зато дом спасли! Дом-то деревянный, такой мог быть пожар! Сколько бы народу пострадало!

Правда, и чайник, и керогаз пришлось отнести на помойку: один не под силу оказалось отчистить никому, даже Таньке (хотя сыпь с рук у ней уже сошла), второй упрямец не поддавался ремонту (завхоз так и сказал: ремонту не поддается!). Зато испорченное одеяло Таня унесла соседской собаке – его свернули и положили в будку, наверняка Найда, полеживая на мягком, была нам благодарна.

Библиотека Центральной усадьбы находилась рядом с клубом, в том же длинном здании, только огорожена отдельной галереей: видимо, предполагалось, что тут будут стоять кресла, а в них рассядутся читатели, – но пуста была галерейка. Библиотекарь Елена Петровна с книжной фамилией Бухман, которая давно уже разрешила мне заглядывать во все закутки (тогда как моих одноклассников отправляла к трем детским полкам), выдала мне целую башню книг, в том числе из серии «Всемирная литература», к которой других ребят даже на три шага не подпускала, не то чтобы в руки дать поддержать. Как-то Елена Петровна решила спросить меня о содержании сдаваемой книги (это был «Следопыт») и никак не могла остановить мой пересказ – с тех пор мне безропотно выдавались любые тома и томики. Я получила возможность прикоснуться к запретным для прочих знаниям: о нибелунгах, Старшей Эдде, Брюнхильде, Зигфриде. Со всё возрастающим подозрением поглядывала я на горы: вдруг где-то там, в тайной пещере, спит дракон, с которым мне предстоит сразиться.

На переменке мы с Таней бродили по гипсовому макету гор, выполненному невесть когда школьными умельцами. Наверно, соседние вершины пытались разглядеть, как тут, за бетонным забором, их изобразили – реалистично или так себе. Но никаких пещер на этом макете не наблюдалось: значит... не вполне реалистично.

А на уроке военрук Николай Петрович принялся разбирать на учительском столе АКМ. После кто-то из вызванных к доске ребят должен был собрать автомат Калашникова, следующий ученик – опять разобрать, и так – по кругу. Конечно, мальчишки старались вовсю – даже Генка Загумённый, но и мы с Наткой Фокиной, которую братья воспитывали в воинском, а не только футбольном духе, не отставали.

На прошлом уроке у нас была стрельба в цель из малокалиберной винтовки, из положений лежа, с колена и стоя; стреляли мы в спортзале, мишени военрук укрепил на дальней стене, а у ближней мальчишки бросили маты. И ко всеобщему удивлению я со своей близорукостью (без очков не видела ни Ш, ни Б), умудрилась попасть в «яблочко»! Генка был так потрясен, что выбежал на линию огня и сделал три круга по залу с воздетыми вверх большими паль-

цами, крича «Ой, держите меня все! Лилька в цель попала!». Я, по правде говоря, и сама была удивлена (одно дело после многочисленных тренировок попасть с пяти шагов ножом в ствол дерева, другое – с тридцати метров из винтовки в мишень размером с радиоприемник), но, держа марку, скривила губы:

– А ты как думал: пираты и апачи промахов не допускают!

Последним уроком была биология, и Полина Михайловна, географичка, заменявшая заболевшую учительницу, повела нас за шоссе – на школьный опытный участок (попросту огород), где мы должны были сажать различные субтропические растения, например, колючую юкку (Генка тащил ее в отставленной руке и ругался, что он теперь дырявый, как решето), и канны с широкими листьями, ну, и картошку тоже, в обязательном порядке.

Сева Ясинский с Витькой Шпилевым несли саженцы чайных роз, тоже довольно колючие, Полина Михайловна сказала, что это сорт «Графиня Воронцова», и мы с Таней переглянулись: не каждый день сажаешь графские розы. – А, может, нашу Центральную усадьбу назвать так: чайный совхоз имени графини Воронцовой, – предложила я.

Витька Шпилевой сказал, что за Калиновым озером, по ту сторону хребта, есть Воронцовские пещеры, небось названы в честь мужа этой цветочной графини...

Спустившись в обрыв и поднявшись по склону к огороженному покосившимся штакетником полю (на склоне вокруг него уже по-весеннему зеленели деревья), мы принялись вскапывать землю, продолжая начатую кем-то до нас копку, сажать субтропические культуры в ямы или обычную картошку в лунки. Пока суть да дело, и урок кончился. Все отправились в класс за портфелями, но прежде завернули к ручью отскоблить обувь от грязи и помыть руки. Когда вернулись в школу, вдруг выяснилось, что кто-то забыл на опытном поле казенные тяпки, а идти за ними, по распоряжению Полины Михайловны, пришлось нам с Таней.

У самого обрыва стояла школьная котельная, возле нее возвышались горы угля: мелкого, который надо просеивать через ржавую сетку старой кровати (она лежала тут же), крупного блестящего антрацита и пористого шлака, уже вытащенного из топки.

– Вот не знала, что за Калиновым, всего лишь за горой, есть пещеры! – воскликнула я и сказала, что мы обязательно должны сходить в эти Воронцовские пещеры:

– А вдруг там, на глубине...

– ... живут морлоки, – докончила Таня, хотя я, разумеется, хотела сказать если уж не о драконе, то о сокровищах...

И вдруг из котельной вышел человек, его лицо было черным от ввевшейся в кожу угольной пыли. Мы, не обращая на него внимания, спустились в обрыв, но не успели по противоположному склону подняться к школьному участку, как услышали за спиной шум торопливых шагов: это был кочегар. Мы совсем и не испугались: мало ли зачем ему надо на опытное поле... Да и школа – вот она, за обрывом и тройным рядом деревьев, совсем близко. Мы даже слышали про этого нового кочегара, которого звали, точно индейца, Татиангукуа. Только я хотела спросить, не приплыл ли он сюда из Северной Америки... как кочегар рывкнул:

– Эй, пионерочки, ну-ка, остановились! Мы с Таней переглянулись: вроде ничего не натворили, может, без сопровождения учителя нельзя ходить на опытный участок...

И тут кочегар, который был в сапожищах и длинном черном пальто, распахнул его: и мы увидели... Он был совершенно голый под этим пальто, даже без трусов... И сказал:

– Эй, пионерочки, а это вы видели?! Что естественно, то не безобразно – учили вас этому?..

Ни я, ни Таня не могли проронить ни слова, мы понимали, что надо бежать: но ноги вросли в землю, будто нас, как «Графиню Воронцову», закопали по самые колена.

И вдруг, откуда ни возьмись, как будто гора его выплюнула, появился Мирон-дурачок, выглядел он в точности так же, как в прошлый раз, только теперь в руках у него была вин-

товка... И Пугало нацелило свое оружие не на нас с Таней, а на кочегара... Тот быстро запахнулся, даже застегнулся на две пуговицы, и руки поднял:

– Я просто пошутил, Мирончик, я никого не трону, пожалуйста, не стреляй... Ты больной человек, я больной человек... Что с нас взять-то...

– Я просто человек, – сказала наше Пугало, – а ты... ты... – он не находил слов, а потом нашел: – Я не выстрелю на этот раз, но если еще когда-нибудь ты, сучий потрох, подойдешь к детям... я... я тебе башку размозжу.

Кочегар обхватил голову руками и полез по склону обратно в свою тьму. Наше Пугало, Мирон Васильич, просто человек, дождался, пока кочегар исчезнет с глаз, повернул к нам заросшее щетиной лицо и кивнул:

– А я вас узнал, девчонки, хоть вы сегодня без перьев и без лопат...

И тут у меня прорезался голос:

– А мы за лопатами... вернее, за тямками и пришли. Вы, вы герой просто, Мирон Васильич... Вы... вы нас спасли!

И тут Пугало так же неожиданно, как появился, пропал: он просто растаял в воздухе.

Мы все же сходили за тямками и отнесли их на место, в сарай за школой, молча отдав завхозу. И мы с Таней Буравлёвой очень долго не говорили про то, что случилось по дороге на опытный участок, как будто этого совсем никогда не было.

## Глава 7

*...о себе бы радел  
и радовал ворона;  
волка узнаешь  
по волчьим ушам.*

**Старшая Эдда. Речи Фафнира**

И, как снег на голову (хоть весна была в разгаре), у калитки финского дома появилась незнакомая старуха. Я сидела во дворе, на скамеечке под цветущим жасмином, его запах мог выманить из дому любого затворника, и читала «Речи Сигдривы».

За спиной незнакомки был вещмешок, а в руках небольшой серый чемодан. Недолго думая, она распахнула калитку и, поставив чемодан на землю, сказала:

– Ты, небось, Лиля, что ль? Я подтвердила, с некоторым изумлением глядя на старушку: на ней была коричневая жакетка, темно-синяя юбка почти до земли, боты, а на голове платок цвета топленого молока с вязью узора по краю (впоследствии я имела возможность во всех подробностях рассмотреть этот платок), завязанный сзади, на шее, узлом. Росточка она была совсем небольшого.

– А мать где? Тамо? – спрашивала незнакомка, кивая на окна веранды.

Я покачала головой:

– Любовь Андреевны нету дома.

– Любовь Андре-евна, – передразнила старуха, – ну-ка, оставь книжку в покое и отнеси чемодан с котомкой в дом.

Говорила незнакомка таким тоном, что возражать ей было невозможно. (Видимо, котомкой она называла вещмешок.) Я пожалала плечами и занесла вещи на веранду, а когда вернулась, увидела, что старушка сидит на моей скамеечке, тщательно приносясь к жасминовому воздуху. Библиотечную книжку она сбросила на землю, хорошо, что белую гладкую суперобложку с рисунками я перед чтением сняла.

– Всё тут неправда одна, – презрительно говорила старуха, указывая на нибелунгов, Старшую Эдду и Беовульфа (под одной коркой).

– Нет, правда, – не согласилась я. – А вы кто вообще?

– Бабушка, лешак ты забери, кто ж еще-то! И не зубать мне, ишь, какая зубастая!

Я провела пальцем по своим зубам, не очень понимая, что она хочет сказать.

– А как вас зовут?

– Сказано тебе: зови Бабушкой, не ошибешься. И тут, наконец, до меня дошло! Вытаращив глаза, я закидала пришелицу вопросами:

– И... и откуда вы взялись вообще? И вы... что – у нас будете жить?!

– А где ж еще-то!

Бабушка подошла ко мне, стала рядом: ее макушка оказалась на уровне моего плеча. Поглядев на меня снизу вверх, она покачала головой:

– И куда ты растешь, дылда дикошарая... Ребятёшки-то станут говорить: тетенька, достань воробушка! Задрязнят совсем.

– Не такая уж дылда: я на физре третья с конца стою, – пожалала я плечами. – Только Натка Фокина да Таня Буравлёва меньше меня ростом, а весь класс в ряд строится перед нами.

– Третья с конца! Гли-ко: ты уж меня переросла! А еще в средней школе учишься! Что дальше-то будет? К велякам подашься?

– Кто такие веляки?

– Узнаешь, да поздно будет. Где тут печка у вас, показывай... Чаю с дороги хоть предложат в этом доме или так и будем под кустом прохлаждаться?!

Я смутилась и повела гостью (гостью ли?) в дом.

Чаю она выпила три кружки, а вначале спросила, куда мы спрятали самовар.

– У нас нет самовара, – отвечала я.

– А конфеты «Снежок» имеются? – спросила прищелица. И вот тут меня охватило смутное беспокойство... «Снежок» – любимые конфеты известно кого. Нет, конечно, я не думала, что Бабушка покинула домовину на кладбище и явилась за каким-то лешим к нам... Но что-то в ней было до того странное... начиная с карликового роста. И глаза, глаза... как две выпцветшие, покрытые изморозью незабудки. И зубы все целёхонькие, а не как у Бабы Гали – вставная челюсть.

И тут я поняла, что пришел мой час: пока Любовь Андреевна репетирует (Первое мая-то вот-вот нагрянет, а с ним и очередной концерт!), я должна вызнать, откуда мы с ней здесь взялись: небось, старушка в курсе.

Сидели за столом, перед окошком, а с бугра спускалась, спотыкаясь, лохматая Тамара Ивановна, уже в подпитии.

– Страшилище! – тотчас припечатала Бабушка, указав на нашу соседку.

– Да, тут много всякого народа живет, и все приезжие: кто раньше приехал, кто позже... – осторожно начала я, – многие из такого далека... Из Орла, например. Из других городов тоже. И деревень... А вы из какого населенного пункта?

Это я зря про «населенный пункт» завернула: Бабушка, до тех пор слушавшая с некоторым интересом, сразу интерес потеряла.

– Не из какого не из пункта. Из страны.

– А из какой страны?

– Ты опять зубатить? Из нашей, из какой.

– А долго вы ехали? Или, может, летели? На корабле плыли? На подводной лодке?!

– Добиралась своим ходом. И хватит допрос вести: много будешь знать, скоро составишься. И так уж вон вымахала под облако.

Тут вернулась Любовь Андреевна и, увидев Бабушку, сказала такую фразу:

– А мы тебя только в субботу ждали.

– А я вот она: в четверг подгадала. Дай погляжу хоть: опять, знать, новое платье?

То есть, выходит, она видела Любовь Андреевну в каком-то старом платье?! И она знала, что я учусь в средней школе! И Любовь Андреевна ее ждала (а мне не сказала!). Как же бы мне разговорить Бабушку! Может, она была в моем прошлом, может, у нас с ней частично общее прошлое?!

Так Бабушка поселилась у нас, и весь наш быт перевернулся: Любовь Андреевна сходила в контору и выпросила еще одну комнату – для Бабушки, нас ведь теперь трое, а так как свободной комнаты ни в нашем финском доме, ни в каком-нибудь соседнем не было, нам дали две комнаты в кирпичном здании, в том самом, где в переднем торце магазина. Мы поселились во втором подъезде, на первом этаже (моя классная руководительница Луиза Андреевна жила как раз над нами). Только у нас была не отдельная квартира, а коммуналка с предлинным коридором: наши комнаты – дверь в дверь; слева от большой комнаты – две двери завгара с женой и детсадницей-дочкой, а рядом с каморкой (которую мне пришлось делить с Бабушкой) – три двери почтальонки тети Раи Осиповой, там она жила с пьяницей мужем и двумя сыновьями (младший Вовка, конечно, был моим одноклассником). Кухня общая: три керогаза, на которых целыми днями что-то шкворчит в кастрюлях и сковородках, унитаз в загородке за дверью тоже общий – хоть тут никто не будет камнями швыряться. Правда, ванны и душа, как и в финском доме, нет. Мы привыкли ходить в поселковую общественную баню, и от множества голых женских тел у меня каждую субботу рябило в глазах. Хорошо, что я очки в предбаннике оставляла:



изображение помывщиц было размытое не только от клубов пара, но и от близорукости. Тем не менее я стала замечать, что у моих одноклассниц, даже у Тани Буравлёвой, намечается грудь, я же – доска доской, такая же, как и в начале моего пребывания в этой гористой местности.

И жаль, что в новой квартире не было печи, только в каждой комнате – по батарее. Бабушка тоже не одобрила отсутствие печки, спросив:

– А куда печь дели? Еще я жалела о качелях, о жасминовом кусте, об алыче (так и не узнаю: желтая ли она и вкусная ли), да и груша- дичка на косом поле тоже та-ак неистово цвела, будто в последний раз, а плоды у ней, по словам Натки Фокиной, мелкие, и внутри, под кожей, коричневые, терпкие, – очень бы хотелось их попробовать (впрочем, груша общая, можно потом прийти и залезть на дерево). Да, и еще жалко было картошку, которую мы с Любовью Андреевной посадили: теперь ее выкопает кто-то другой. В новой полу-городской квартире с паровым отоплением и канализацией у нас не было ни клочочка земли.

С переездом нам помогли: завгар по разнарядке выделил машину, и Батя (дядя Андрей Буравлёв), будучи шофером, не только перевез все наши пожитки на новое место, но и помог с погрузкой-выгрузкой, еще физик Сомов с завклубом приложили руки, школьный завхоз и некоторые старшеклассники, кто выразил желание. Конечно, я не забыла забрать из подполья головной убор апачей, куртку с желтой бахромой и финский нож. Всё это добро мы с Таней припрятали до лучших времен в сарае Бати.

Бабушка в первый же день поцапалась и с тетей Раей, и с женой завгара. Почтальонка, старейшая жительница здешней коммуналки, попыталась заставить Бабушку помыть пол в кухне (пока мы с Любовью Андреевной прохлаждались, по словам Бабушки, в школе). Бабушка этого не потерпела, мол, мы только что переехали, еще не успели наследить – и это было справедливо, – но Бабушка добавила концовку: вы кругом грязь развели, неряхи, а кто-то за вами убирать должен... Тут уж тетя Рая, в свою очередь, не стерпела – и началось веселье. Тридцатилетняя жена завгара решила поучить Бабушку лепить пельмени: лучше не делать тесто колбаской, которую Бабушка нарезает на кружочки, а после каждый кружок раскатывает в сочень, а сразу раскатать большущий сочень и стаканом вырезать кругляшки, так будет производительней и ровней... Бабушка брезгливо поджала губы – даже, по-моему, хотела смолчать, но опять не вытерпела и ответила, что столько лес не стоит, сколько она пельмени стряпает, и не такой рыжухе крашеной ее учить. Одним словом, стало понятно, что нам с Любовью Андреевной в этой коммуналке скучать не придется.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.